

АЛЕКСАНДР ЗУБКОВ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
СУЩЕСТВОВАНИЯ

16+

Александр Павлович Зубков

Доказательство существования

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38842898

SelfPub; 2019

Аннотация

Действие происходит главным образом в Москве, а также в Подмосковье, Краснодаре и Феодосии, в XX веке, в конце восьмидесятых. Главный герой – Сергей, и главное – защита диссертации. Действующие лица – сослуживцы Сергея; вышестоящие; руководство. Летом он едет в санаторий, один, без жены – так положено! И вот его жена, а также еще три женщины оказываются в водовороте происходящего. Эти женщины обладают скрытой болью и желают изменений. Итак – выбор сделан; путь избран, и на нем пришлось понести потери. Но другого выхода не было. Автор коллажа на обложке Зубков А.П.

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
6	21
7	24
8	27
9	29
10	31
11	35
12	38
13	40
14	43
15	45
16	47
17	49
18	52
19	55
20	61
21	65
22	70
23	74

25	80
26	83
27	85
28	88
29	90
30	92
31	95
32	97
33	99
34	102
35	108
36	111
37	113
38	116
39	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Лирический настрой в романе – лучшее что есть в Вашей работе. Изюминки местами хороши. Когда герой видит себя рыбой на глубине... Когда прихватывает краснодарская ностальгия... Когда финальная сцена с Леной...

Владимир Маканин

Я постоял под душем, постепенно понижая температуру падающей на меня воды; когда ощущение холода стало непереносимым, я оставил ручку крана в покое. Затем с удовольствием вытерся.

Этим пасмурным апрельским утром нам с Инной предстояло ехать на свадьбу Марины и Петра; в назначенный час, когда дождь немного поутих, мы выехали. Георгий Петрович, отец Инны, бывший военный летчик, уже был там, на месте.

И вот, наконец, свадьба.

Здесь было что-то вроде авансцены, причем отнесенной достаточно далеко. Бравые упитанные молодые люди сделали представление о «жизни и деяниях Петра» (в танце); было хорошо. Затем три сестры Льва Ефимовича – отца Марины – спели песню Анны Герман – «Один лишь раз сады цветут».

Я говорю – упитанные, на самом деле, они, пожалуй, были нормальными, это я был чрезмерно худощав.

–Я Лев, но не Толстой, Эренбург, но не Илья. Поэтому запомнить меня легко, – сказал Лев Ефимович, полковник медицины в отставке. Он был довольно худой и несколько согнувшийся.

–Он Лев, а моя фамилия Медведь, так что подружимся –

подхватил отец жениха.

Слово взял тамада.

—А это моя жена. По отчеству Марксовна, а фамилия в девичестве была Старая. Алла Марксовна Старая.

Жена его сидела рядом, неподвижно, и на лице её было что-то похожее на полуулыбку.

Что касается Льва Ефимовича, то он когда-то давно жил по соседству с Георгием Петровичем, и они дружили; он часто помогал всей семье, как врач. Впрочем, Лев Ефимович отлично понимал и в иных вопросах; Валентина Николаева, покойная мать Инны, когда нужно было разобраться с какой-то проблемой, приходила к ним, и Евгения Моисеевна, жена Льва Ефимовича, говорила:

—Валечка, посиди немножко, сейчас придет Лёва.

Вот Лев Ефимович пришел и тотчас же разобрался во всех вопросах — такое-то постановление, такие-то решения — и все стало ясно.

Я тоже обратился к нему, когда у меня возникли проблемы со здоровьем.

Сегодня Лев Ефимович подошел ко мне и спросил:

—Как дела, Сережа?

—Лучше, хотя бывает еще всякое, но уже не то, что было.

Вы здорово помогли мне, Лев Ефимович.

—Очень хорошо, великолепно!

К нам подошел Георгий Петрович, и сказал:

—Лев Ефимович, ты сделал чудо! А не мог ли бы ты под-

сказать, вот после моего падения на льду, пошумливает что-то иногда в голове?

— Прекрасно, замечательно! — кивнув мне сказал Лев Ефимович, и они с Георгием Петровичем отошли в сторону.

Да, подумал я, замечательно; Алла Марксовна продолжала сидеть со своей непонятной улыбкой. Мне было почти хорошо; сегодня воскресенье, а завтра понедельник, и мне не идти на работу, я отпускник.

Давным-давно, в один из первых мартовских дней мы с начальником сектора Лыковой шли по коридору, и она радостно говорила, что все будет в порядке, что есть машина для вычисления нужных параметров, и все здесь замечательно, и если я захочу сделать работу – тут она со значением посмотрела на меня – то сделаем. И моё настроение было прекрасным. Мы пришли в комнату, где располагался сектор, и я стал потихоньку знакомиться с сотрудниками; первым ко мне подошел Батурин. Он был лет на двадцать старше меня, одет в светлый костюм; должность – ведущий инженер, руководитель группы. Он положил руку на серый прямоугольник с клавишами, лежащий на столе.

–Ну вот, вычислительная машина. Знаешь, Сережа, я просто рад, что у нас есть такое вычислительное средство. У нее память 256 кубиков, и туда мы помещаем наши программы.

–Отлично, – сказал я.

–Сейчас я покажу тебе одну программу.

И мы стали разбираться, как только я немножко понял, что это такое, Батурин сказал:

–А вот наши сотрудники, – и представил меня Вале о Володе. Мы обрадованно улыбались.

–И вот сейчас к нам подойдет ведущий инженер Горбов-

ский. Мы должны получить от него всю информацию по изданию.

Горбовский был небольшой, седой, и на носу его, на самом кончике, было несколько длинных волосинок, они все время требовали внимания. Смотришь на него, а глаза постоянно соскальзывают на волосинки; так, в конце концов, и закончился первый день.

Вечером я вышел из института, и направился к метро, минут десять идти пешком, пересечь улицу Солянку, и вот площадь, где люди поднимаются или опускаются вниз, к подъезжающим поездам. Я обернулся и посмотрел назад, дорога к институту шла наверх; если идти на работу рано утром, ты как будто штурмуешь этот путь.

Дома был Георгий Петрович.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Ничего. Начал разбираться.

— Когда ты работаешь, надо знаешь, как? Делай, как будто бы, все, что только начальство не прикажет. Но совсем все делать нельзя. — На лице его появилась улыбка. — Понимаешь? Надо, чтобы что-то как бы не совсем было сделано. Как бы игра была. Но чтобы нельзя было тебя ухватить. Понимаешь?

— Да, — сказал я. — Понимаю.

Нашей тематикой занимались военные; прочитав их книги, я понял, что путь расчета, который предлагает их институт, неправильный.

–Владимир Михайлович, – (так звали Батурина) сказал я, – по-моему, их теория ошибочна.

–Ты знаешь, мы уже думали об этом, но как тут быть, не знаем. Их институт является головным по нашей тематике. Может, лучше сидеть спокойно, и делать по их методике?

Я обратился к Лыковой, высказал ей свои сомнения.

–А рассчитывать надо как? Берем объект и смотрим – если он мал – то делаем приближение как к малым объектам. А когда он велик – то рассматриваем его как полубесконечный.

–Да, да, – сказала Лыкова. – Здесь что-то есть. Попробуй, Сережа.

–Хорошо.

Я посидел пару дней и нашел приближенные решения для малого и большого объектов; что порадовало, так это то, что результаты для большого объекта не стремились бесконечно расти, а приближались к некоему пределу.

И мы стали вычислять по новому методу.

В начале осени в Ленинграде проходила встреча разработчиков по нашей тематике, и Лыкова, собираясь на нее, взя-

ла меня. Батуриным некоторое время был обижен – он все-таки является руководителем группы, но что же тут сделаешь? Я написал статью по методам вычислений, и повезли ее на конференцию.

Конференция проходила в большом и серьезном НИИ. Собралась масса гражданского и военного народа; военные, чтобы не привлекать ничьего внимания на подходе к НИИ, были одеты в гражданское. Тут оказались Пудов и Картанов – представители головного института; Пудов был маленький, уже в годах, полковник, лицо рябое, а Картанов – большой и красивый капитан, автор тех теорий, что заставили нас задуматься. Тут было множество людей из гражданских институтов; со всеми Лыкова была накоротке – смеялась и перебрасывалась шутками.

Я сдал статью, но слова мне никто не предлагал; выступали Пудов и Картанов, и другие солидные сотрудники. Лыкова выступила с большим докладом по своей тематике, в другом помещении; она занималась несколько иными, родственными делами, а мы с Батуриным были в ее секторе.

И вот конференция закончена, мы едем домой, в Москву.

Я поднимаюсь по улочкам, ведущим к нашему институту, предзимний воздух вливается в мои легкие. Я подхожу к длинному зданию – в семь пятьдесят восемь; если я опоздаю на пять минут, то меня ждет испытание. Одна из старых женщин, сидящих за стеклянными окошками, заставит писать объяснительную записку, и далее эта записка пойдет по всем верхам. Начальник сектора проведет с тобой беседу; на первый раз это все. Если же опоздаешь во второй раз – тебя лишат квартальной премии; квартальная премия равна твоему окладу. Поэтому никто никогда не опаздывает, если уж случилось опоздание, ты должен остановиться, и звонить своему начальнику сектора, и дальше – ходить вокруг да около института, час или два. И уже после хождения подходить к старым женщинам с выражением на лице спокойной уверенности.

Я не люблю этого, и поэтому никогда не опаздываю. Слава Богу, весь мой путь от дома до работы занимает пятьдесят минут; если я отправился ровно в семь – значит, все будет в порядке.

Жизнь стала весьма трудной – постоянная, непрекращающаяся стирка пеленок. Инна не здорова, двигается с трудом. Плакала от страха в первый день, когда привезли ребенка,

это было вечером; тревога и страх – ей казалось, что малышка такая маленькая, и мы не сбережем ее. Дали Инне вальс-вальс; ночью вскакивает и то приподнимает ворох одежды, то ощупывает меня, то с тревогой показывает на люстру или в окно, везде ей мерещится ребенок. Встаю к малышке я, она орет, писает и какает в руках, пеленаю; утром адский подъем, вечером – снова пеленки, кормление. Все эти дни – ни минуты отдыха; один день (перед приездом Инны из роддома) я чуть не плакал. Уборка, которой не видно конца – я сидел как неживой, Георгий Петрович потом спросил:

–Ну, как, отошел?

–Немного, – ответил я.

Вспоминаем прежнюю жизнь, когда единственной заботой вечером было – приготовить ужин, смотреть телевизор, и думаем: вот они детки! Неужели теперь так будет все время? Инна еле ходит, сутулится как старуха; я думаю – Господи Боже мой, зачем все это – так называемая любовь, после которой женщина так страдает, чтобы родить существо, которое потом отнимет и личную жизнь, и покой.

Прошло три месяца, и, приходя домой, я вижу, что пеленки не стираны, питание для ребенка не сварено; мне неудобно говорить, но часто кажется, что жена плохо относится к своим обязанностям. Я молчу, начинаю стирать; Инна же считает, что целый день она возится со всем этим, и после работы я должен прийти и все взять в свои руки. Но это, в сущности, ее забота – ребенок – и она должна как мать и

женщина, стараться сделать максимум, чтобы вечером оба отдохнули, но часто оказывается: читала книгу; и полный таз пеленок.

Малышка подросла, богатая и смешная мимика – недоумение, обида, лукавство, обалдение (перед цветастым ковром), а вот и улыбка. И крик, от которого лопается все вокруг, и в первую очередь – она, когда вечером относим ее на кроватку; страшно не любит спать, обожает общество, собирающееся около нее.

Аннушка чрезвычайно похожа на меня, те же привычки: трет глаза руками; не может долго терпеть, будучи голодной; голову кладет сбоку от подушки. Уши, голова, нос, рот – все мое; очень походит на меня на фотографии, где я стою, совсем еще маленький, с велосипедом, у виноградников. Впервые она играла с погремушкой – стучала по ней лапкой в варежке; долго гремела, как ручной медвежонок или обезьянка.

Я поднялся с трудом, утро было еще темное, шел снег. Светящийся аквариум киоска «Союзпечати», в котором плавали разноцветные рыбы журналов, и главная рыба, царь-рыба продавщица. Я дал ей монетку и попросил «Московскую правду»; она бросила мне газету и стала перебирать, ворошить мелочь. Но я ждал, и она сердито положила (шлёпнула) мне монетку сдачи; палец у нее был обмотан черной изолянтной, им она расслаивала кипы.

Как-то раз Инна, во время разговора с сестрой Марией сказала, чтобы та не ходила в Университет на дискотеку – там все иногородние.

–Я не собираюсь еще твоего мужа на шею сажать. И так камень висит. Ребенок свой, да плюс еще один подарок.

Говорила она как будто в шутку, но прорывалось раздражение.

–Ходи в МАИ, там все москвичи.

Они принялись опять, в том же якобы шутливом тоне, говорить, чтобы я познакомил Марию с приличным молодым человеком, начали прикидывать своих знакомых, оказалось, что ничего подходящего нет

–Найдите мне, родственники, жениха! – говорила Мария. – Где, где мужчины!

–Мужчины в метро сидят и читают, и не уступают места, – сказала Инна. – Поэтому они ничего не видят и не женятся.

–Но у тебя же на работе полно офицеров.

–Они или маленькие, или старые холостяки. А выходить замуж за старого холостяка – только не это. Ведь у него установившиеся с годами привычки, он будет требовать уважения к себе. И будет считать, что осчастливил тебя. И будет ревновать – не ходи туда, не ходи сюда. Нет, что угодно, толь-

ко не за старого холостяка.

–Ну, потом можно развестись.

–С ребенком на руках?

–Но что же мне делать? – с комичным выражением говорила Мария.

–Иди в МАИ. Иди в метро, стой и останавливай всех: москвич? Не москвич?

–Шутки шутками, а ведь уже и в МГУ ездить сил нет. В прошлом году еще хватало терпения. А теперь как подумаешь – зима. Поздно возвращаться. Метель!

Мы смеемся, потому что Мария строит смешные гримасы.

–Узбеки! В университете одни узбеки, грузины.

–Это уже твое амплуа. Ездить в университет, чтобы познакомиться с узбеком и с ним весь вечер провести.

–Почему там одни узбеки? Там есть москвичи? Сережа, там бывают москвичи?

Я немного простужен, и потому сижу в дальнем углу.

–По-моему, очень мало. Москвички ходят, а они нет. У них какая-то своя кухня, они рано женятся, и как-то варятся в собственном соку.

–Они нарасхват с пеленок, – сказала Инна. – А между прочим, москвичи – это такое... У кого ни спрашиваю – уроды самые настоящие.

–Я пойду в «Метелицу».

–Куда?! Там нет мужчин. Одни женщины сидят и пьют коктейль. Зачем туда идти мужчине – пить за три рубля кок-

тейль? А студент – у него нет денег.

– Да, проблема, – сказал я. Мне было немного неловко, и в то же время забавно; жаль Марию, и одновременно я помнил, что иногда не люблю ее. В иной раз она бывает очень милой, как будто хорошей. Такое же чувство к ней у Инны. Инна любит ее, но иногда ненавидит. Мария лежала на диване, она не завтракала и не обедала сегодня; она вот сейчас была красива, привлекательна, в полосатой кофточке, и отросшие волосы заколоты за ушами, смуглое, гладкое лицо, черные глаза. Она пошла на кухню, принесла тарелку с едой, и стала есть.

– Москвички некоторые специально едут в университет, – продолжал я. – А многие студенты хотят познакомиться с москвичкой, но так у них ничего и не получается. А женщинам, конечно, еще трудней.

– Да, даже тебе, пожалуй, проще найти хорошую девочку, чем мальчика, – сказала Инна. – Кого бы ты легче нашел?

– Конечно, девочку.

Я рассказал, как пытался познакомить Лешу Старкова с Марией, но ничего не получилось; он ходил в гости к Вале, а та была к нему равнодушна. А парень хороший, поступил в аспирантуру.

– Короче говоря, – сказала Инна, – в этом году ты должна познакомиться. С москвичом, приличным мальчиком, с квартирой. На нашу жилплощадь не рассчитывай. Если приведешь иногороднего – мы вас пропишем, но вы будете сни-

мать квартиру.

–В этом году ничего не получится, – сказала Мария. – Этот год високосный. И я со всеми разругиваюсь.

Она встала и медленно пошла прочь; Инна с ненавистью остановила ее.

–Тарелку!

–Что? – спросила Мария, но вернулась и унесла с собой тарелку, потом долго возилась на кухне. Я пришел – грязная сковородка лежала в раковине, а мне надо было готовить купание для Анны.

–А сковорода?

–Она не моется, отмокает.

Я вымыл сковородку, а там уже Инна ругалась с Марией (она обнаружила вторую грязную сковороду).

–Я пятнадцать лет тебя кормила, ты хоть бы раз помогла! Ты живешь, как в гостинице!

Действительно, иногда, посматривая на Марию, и Георгий Петрович в сердцах скажет:

–Слушай, да что такое, глядя на тебя, и все настроение портится!

И отдает приказ:

–К первому числу даю тебе задание – постирать и выгладить мои рубашки!

Подходит первое число, Мария срочно бросается выполнять указание. На кухне выставлена стиральная машина, я помогаю пропустить белье через выжималку, и вот Мария

гладит еще влажноватые рубашки.

Мы помыли Анечку, я лег спать, выпив аспирин и сульфадимезин. Инна читала. Мне казалось, что следует выключить свет, так как Анна может проснуться, но я ничего не сказал, пусть читает. Ночью Анечка кричала, Инна вставала, потом попросила меня заняться. Было два часа, я встал и подумал, что если я буду теперь заниматься Аннушкой, то завтра опять вырублюсь и заболею. Я был в поту; Анна орала, я постоял и лег. Инна еще раз встала, поулюлюкала, и малышка затихла. В шесть часов я встал, самочувствие было хорошее. Аспирин?

Зима, снег, автобус с затхлым гриппозным запахом. Солянка, люди, спешащие на работу, киоск, газета, проходная. Утром сижу за столом, и глаза слипаются.

Вечером мне опять хуже, начинается кашель. Дома меня перехватывает Георгий Петрович.

—Сережа, да ты болеешь! У нас есть хорошее средство — банки. Давай после ужина ложись в кровать, я тебе поставлю.

Я поужинал и лег в постель.

Георгий Петрович позвенел где-то в коридоре наверху и пришел с картонной коробкой, быстро поставил мне банки и сказал:

—Ну вот, теперь минут через десять я зайду.

—Хорошо.

Я лежу, банки сначала переносятся спокойно, затем становится все больнее, потом я как-то приспосабливаюсь, уже как будто ничего. Георгий Петрович ходит где-то в квартире, еще какое-то время проходит, и я решаю обратить на себя внимание. Когда Георгий Петрович проходит мимо нашей комнаты, я слегка постанываю.

—Ах, Сергей! Я и забыл про тебя! Сколько времени прошло? Господи!

Он начинает снимать банки.

—Господи! Еще немного чуть-чуть, и мы тебя прожгли бы насквозь!

—Да нет, не очень больно, — говорю я.

—Ну, слава Богу!

Георгий Петрович, складывает банки в коробку, и краем глаза я замечаю там пробирку, и я вспоминаю историю — как эта пробирка помогла нам. Когда-то, сразу же после свадьбы, у нас с Инной ничего не получалось; сопротивление оказалось слишком сильным. Мы пытались сделать и так, и этак, но все было бесполезным; тогда Инна сказала:

—Я где-то читала, нужно помочь. Иди по коридору, поднимись, там лежит коробка с банками, а среди них — пробирка. Принеси ее.

Я выполнил все в точности, но Инна возразила:

—Она холодная, пойд и нагрей ее на огне.

Я сделал это, а когда шел к Инне, навстречу попался Георгий Петрович.

—Ну, как, что? Что-то случилось?

—Нет, все в порядке, — сказал я, пряча одной рукой пробирку.

—А, ну хорошо, но если что-то случилось...

—Нет, все в нормально.

Я пошел в нашу комнату, Инна взяла пробирку, и лежа в постели, укрывшись, начала двигать рукой.

—Ох уж эта ваша половая жизнь!

Но после этого — о, радость! — все получилось!

В то время я был студентом последнего курса; я поехал в университет, была уже зима, и мир казался мне дружелюбным.

Приближаются праздники – 7 ноября, а мне необходимо ехать, искать капусту. Инна заквашивает ее в белом ведре, процедура длится три дня, каждый день капуста освобождается от гнета (Георгий Петрович придумал – на вертикально установленную палочку надевается веревка). Затем содержимое ведра многократно протыкается длинной палкой, это надо проделывать в закрытой кухне, но и оттуда запах просачивается во все комнаты. Только когда шипение капусты прекратилось, возобновляется гнет, т.е. устанавливается палочка; на третий день капуста готова, очень вкусна, и переносится в холодильник.

Утро. Холодрыга! Суббота (после пятницы т.е. дня усталости); не хочется заниматься этим делом. Но ничего, еду, на ближайшей станции метро капусты мало – по два кочана в руки. Еду в ближайший универсам; сначала захожу внутрь, но это надо делать снаружи. Подкатывают тележки, половина капусты разбитая; ждущий народ моментально разбирает хорошую, потом долго роется в плохой, и продавщица не подвозит новую партию. По ложке в час. Холодно. Кругом голо, серые панельные громадины домов, машины частные. Старичок: «Кинь камень – и попадешь в машину торгаша. Семьдесят пять процентов машин – у торговли». Замер-

заю, дрожу; ну и жизнь, думается. В универсаме толпы народу, сумрачно, покупатели из очереди лопатами подгребают мусор, чистят, сами подвозят очередные тележки. Энергичный крупный человек атлетического сложения, в кроссовках, спортивных штанах, куртке, на голове – шапочка, работает лопатой, улыбается. Вот, думаю, пример современного интеллигента – молодца; и я стараюсь настроиться на оптимистический лад, посмотреть юмористически. Наконец – очередь; спортивный интеллигент – оптимист сноровисто набивает два мешка капусты. Мешками нагребает молодая пара – женщина в очках, чрезвычайно интеллигентного и приятного вида, муж ее, парень крепкий и симпатичный, немного дородный. Еще в очереди – девушка в джинсах, и с пуделем; передо мною пара колхозного вида набирает три мешка. Я наполняю сетки – шесть кочанов. «Рубль пятьдесят», говорит продавщица. Чувствую – не может быть здесь двадцать пять килограммов, но мне стыдно усомниться в честности продавщицы, я наверняка знаю, что она надувает меня, нагло, отлично поняв по моему виду мою психологию. Холодно, замаялся совершенно; все, и я в том числе, внутренне заискиваем перед продавщицей, хотя та ведет себя не лучшим образом. Еду домой в набитом автобусе; дома (может, не надо, мелькнула мысль) взвешиваем с Инной, оказывается, меня обманули более чем в два раза. Всю дорогу я об этом думал, и тяжелое неприятное чувство было; и теперь, только что Инна говорит единственное ироничное словцо, я

взрываюсь.

–Почему тебя всегда обманывают? Надо быть взрослее.

–Бог мой, откуда я мог определить, сколько там! Сама покупай! Мне эта капуста совершенно ни к чему!

–Да! Тогда иди и гуляй. Совсем иди!

–С удовольствием! – говорю я, продолжая сидеть с жутким чувством ненависти ко всему.

–Разве так можно? – слезы. – Ты пришел, тебя обманули, ты виноват, и начинаешь орать на жену. Ты совсем потерял совесть!

–У тебя ее никогда не было! Попробуй когда-нибудь прийти из магазина и пожаловаться, что ты обманута!

–Меня не обманывают в два раза!

Я одеваюсь и иду покупать кисть для крашения стен. Муторно до безобразия, до умопомрачения, я чувствую себя непригодным к жизни дурачком-интеллигентом, которого можно нагло, в глаза надуть. Надо было спросить у продавщицы – какой вес? – и уличить эту негодяйку.

Суббота все такая же сумрачная и холодная; надо покупать кисть и красить стены. Дни уходят, улетають; боже, что за жизнь! Как бездарно, в бесконечной хозяйственной толчее проходят суббота, воскресенье; как я ненавижу выходные! Все, весь мир, вся жизнь воспринимается как нечто ужасное, нелепое, тюрьма души; душевная боль, самая настоящая, как будто душу давят, гнут, выкручивают.

А потом все прошло.

Но мне еще надо путешествовать в прачечную. Опять наступает воскресенье, день тихо плывет, и вот он преломился, и мне как-то грустно – завтра идти на работу. А сейчас еще какие-то минуты свободы. Но надо собираться и ехать. Огромная сумка собрана и ждет тебя у выхода, в ней – белье для стирки, я должен отвезти это. На наволочках, простынях – бирки, пришитые женой; я сдам это в прачечную, и получу чистое белье, сданное в прошлый раз. А прачечная расположена в Москве, далеко от нас. Вот уже и вечер начинается, темнеет.

Я собираюсь и выхожу на улицу. Автобус можно ждать долго; не каждый подойдет для моей поездки, а только один, который идет до следующей станции метро.

Наконец, автобус прибыл; уже и фары включены.

Прачечная. Очередь. У стенок на стульях с торбами белья сидят люди.

Входит гражданин в сером пальто, высокий, сутулый, в шляпе, лицо темное и маленькое, худое. Тощий. Вопросительный знак. Он останавливается посередине холла и, в упор глядя на ожидающих, начинает декламировать.

Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку...

Пауза.

–Что смотрите, жители? Вы должны мне рупо... рупоп...
рукоплескать! Ру-ко-плес-кать! Это Есенин!

–Выпил, так иди себе, – бормочет толстый мужчина.

–Ты! Гусь! А ну иди сюда! Я тебя одной... Ну, левой не
гарантирую, но правой... натяну!

Толстый крупный мужчина молчит, женщины посмеива-
ются в сторонку.

Сутулый еще раз читает стихи, поворачивается и уходит.

–Выпил, так иди себе, – говорит мужчина. – Выпил ведь
для своего удовольствия, не для других. Так и надо держать
в себе свои красоты.

Через год, в конце осени я нахожу в почтовом ящике квитанцию: перевод на восемнадцать рублей восемьдесят две копейки. Вечером, после работы, я иду на почту и получаю деньги; внимательно прочитав, понимаю – это платеж из солидного издания, оплата за мою статью, которую опубликовал этот журнал. Я радуюсь – вот ведь, опубликовали! – итак, истина, мысль все-таки пробивает дорогу. Я помню, как был пессимистически настроен насчет этой статьи и своего научного будущего; в журнал этот, говорила Лыкова, пробиться трудно. Свой круг. Они за все годы пробиться не могли; она, впрочем, воспринимает опять же все со своей специфической точки зрения (везде кланы, мафия). А вот – вышли две мои статьи в министерском журнале, и будет статья в центральном; нет, не безнадежна жизнь, и не безнадежно стремление человека вверх (в хорошем смысле слова)!

Ведь это – надежда. Я снова мысленно просматриваю статью, и верно: – ведь это похоже на... диссертацию!

И действительно, на работе выясняется, что журнал вышел посвященным конференции; Лыкова поздравляет меня. – Вот Сергей, правильно, так держать!

И вот еще один момент. Некоторое время назад к нам заехали Пудов и Картанов, Лыкова и Батурин окружили их,

принесли чаю, конфет. Я оставался несколько в стороне, меня не звали. Лыкова что-то возбужденно и со смехом рассказывала, Батулин тоже не оставался в стороне, время от времени подключался к разговору. Перед ними на столе лежал тот, центральный журнал, и внезапно Пудов сказал:

–Вот, вот материал! – И стал сотрясать журналом, было видно – что-то ему очень понравилось.

Я увидел, что журнал открыт на странице с моей статьей. Возникло легкое замешательство, Лыкова, Батулин и Картанов замолчали. Я тоже молчал; непонятно было, знает ли Пудов о том, что автор статьи сидит чуть в отдалении от них.

Я рассказал о своей работе Георгию Петровичу, и тот сразу все понял и сказал:

–Да, это здорово. Ну, желаю тебе успехов!

Это был февраль, и потому теплый ясный вечер особенно приятен. Я купил хорошей колбасы, хорошего масла и шел домой по Чернышевского – Хмельницкого. Я чувствовал стыд оттого, что я – бумажный работник, не производящий ничего материального; и в то же время радость: вот сегодня удалось купить колбасы, масла, и, в общем-то, в ближайшем будущем видимо будет примерно то же, я еще смогу покупать хорошую колбасу и масло. И я оправдывал себя – раз государство платит мне деньги и продает на них вещественные продукты, значит я нужен; ведь всегда были люди, которые не создавали вещественных продуктов, и всё-таки жили, и существовали как правило лучше тех, других. Я зашел в «Концентраты» и купил отличные импортные яблоки, настроение еще больше поднялось. Мне было даже стыдно за то, что я могу так радоваться колбасе, маслу и яблокам; дело в том, что все было отличного качества, и не каждый день удастся сделать такую покупку, я с гордостью шел домой, как удачливый добытчик.

Как-то я решился заговорить с Лыковой об аспирантуре. Стол ее стоит недалеко от окна, развернут, чтобы видеть всех. Я подошел и видимо, переминался с ноги на ногу; заговорил об аспирантуре. Лыкова сказала:

—Об аспирантуре не волнуйся. Только через три года. Потом, нужно восемьдесят процентов материала. А у тебя я пока не вижу.

—Но результатов же много, — сказал я, чувствуя, как медленно на меня наползает страх.

—Извини, Сережа, мне надо бежать.

—Но я вас как будто не очень задержал, — чувствуя себя оскорбленным, обманутым сказал я.

Я ехал домой с тяжелым чувством; стало ясно, что диссертация, защита — все это не так просто, что это потребует многих лет, что нужно будет делать совсем не то, что нравилось и получалось, а какой-то другой труд, представлявшийся огромным и противным. Из меня вытянут все жилы, прежде чем дадут эту бумагу, и все может рухнуть, такие случаи бывают. Я увидел себя сорокалетним инженером, с окладом сто пятьдесят, позади творческая часть жизни, впереди — ничто. Приехал домой в безобразном состоянии, смертная тоска; весь вечер пролежал на кровати, временами задремывал в лихорадочном сне, просыпался, и хотелось плакать.

Что такое диссертация? Сто — двести страниц, отпечатанных на машинке и сброшюрованных. И все? Нет, она — прямое выражение неких высших сил; соискатель, защитивший диссертацию, сам становится носителем этих внешних сил. Скажем, минимальный оклад, которого достоин такой человек — энное число; это на треть выше чем зарплата Батурина — ведущего инженера, руководителя группы. И вот поче-

му все становятся молчаливы, когда речь заходит о диссертации.

Или возьмем дальше. Может ли ведущий инженер рассчитывать на некое стабильное благополучие? На то, что его должность как-то гарантирует его положение? Нет. В любой момент его может ждать крах его должности. Правда, существует множество зацепок, если он решит сопротивляться, поднять крик; и все же – его должность целиком зависит от неких сил, которые никогда не дремлют. И они – рядом.

А кандидат наук – это звание уже не зависит от тех, кто здесь. Или доктор; это закреплено книжкой с указанием научного звания и подкреплено значительной ссылкой – высшая аттестационная комиссия. ВАК! Вот и все; теперь обладатель этого звания может вздохнуть спокойно и приниматься за последующие научные труды.

Диссертация – это труд, сделанный навечно. Бывает ли такое? Да, случается; и теперь, после защиты, диссертанту гарантирован определенный уровень заработка, и весьма немаленький.

Я заговорил с Инной, рассказал ей свои неясные подозрения о том, что Лыкова чего-то ждет; и сразу моя концепция передалась ей, Инна тоже стала сумрачной. Вскоре мы собирались отмечать мой день рождения.

–Пригласи Лыкову, – сказала Инна.

И я задался целью пригласить.

Целый день Лыкову не получалось уловить, это меня бе-

сило, было стыдно. Вечером заскочила на минутку только – здесь и сразу опять – к начальству. Я решил схитрить – постоять на втором этаже и вернуться. (Подождать, пока уйдут мужички.) Пошел, переждал время; вернулся, а они здесь! Стал рыться в столе, чувствуя себя идиотом и проклиная их (а они пили). Ушли, но ведь поняли, конечно. Ждал Лыкову полчаса, чувствуя себя по-идиотски. Нет! Не появляется. Шел домой в ужасном состоянии, казалось, что потерял единственную возможность, теперь станет еще хуже. Как же быть? Что-то подарить Лыковой? Кошмар! Инна спросила:

–Ну как?

–Нет.

–Эх ты!

Хотел закричать ей:

«Не смей меня подгонять! Не смей заставлять меня лезть!»

Инна ушла, слезы. Мне стало страшно; неужели и она чувствует, что все для нас кончено?

–Почему плачешь?

–Ты невозможен. Почему приходишь в таком плохом настроении, слова не скажешь? Разве кто-нибудь из нас так себя ведет? Ты никого не любишь, все тебя раздражают.

День рождения. Были Валя и Валера. Но я был напряжен, грустен где-то глубоко внутри («Ах если бы Лыкову удалось пригласить!»). И с напряжением относился к Вале и Валере; я чувствовал, что они – не ровня мне, нам. Валя защитилась, Валера зарабатывает большие деньги, думают о даче, о машине. Раньше, в студенческие времена, такого не было. Хотя тяжелы они, эти годы, но нет в них этого сволочизма; хотя некоторые начинают чувствовать все это уже тогда и тотчас лезут. У меня этого в те времена не было, и я думал, что они должны посматривать наоборот – слегка приятно сознавая то, что им удалось стать чуть повыше. Провожая, мне было тоскливо; зима, снег, они в шубах.

–Как успехи в работе? – спросил Валера.

–Все в порядке. Попал в новую область. Впрочем, у нас все области новые, – но мой тон был такой, что я не верю в успех.

Валя показалась мне в этот раз красивей, длинные темные выующиеся волосы. А Инна сказала, что она ей понравилась меньше.

...Сейчас вижу – концепций много; все они имеют какую-то истинность; но не абсолютную. Отошел кошмар. Вижу, что Лыкова – хороший человек, есть и недостатки, но кто

без них? И что даже, наоборот, у Лыковой – бескорыстность; почему же мне показалось непонятно что?

Я познакомился с женщиной из группы Лыковой; фамилия – Кубацкая, ей за сорок; она маленькая и полная. Я мысленно называю ее – Q – буква Q из латинского алфавита; она остановила меня возле входа в помещение сектора и сказала негромко:

–Я слышала, как вы говорили с Лыковой. Ты хочешь делать диссертацию?

–Да.

–А ты партийный?

–Нет.

–Это плохо. И потом, вот ты пишешь статьи. А ее не ставишь в соавторы.

–Но я же делаю статьи абсолютно сам. И тематика Лыковой другая.

–Но она метит на докторскую. И ей бы твои статьи были бы очень кстати... Совмещаются ее методика и твоя.

Я не нашелся, что сказать. А тут откуда-то вынырнула Лыкова, и быстро прошла в сектор; мы с Кубацкой замолчали и смотрели на нее.

Я после этого думал о своей беспартийности. Ведь я делаю то, что нужно в моей тематике, и думаю, этого вполне достаточно. А о соавторстве... Что ж, можно попробовать; буду писать по три статьи и в одну из них вставлять ее фа-

милию; поблагодарить за дельные замечания.

Вчера сдавал кандидатский экзамен по философии. Опять это издевательство над личностью – дрожащая моя рука, берущая билет. Что толкнуло меня под руку, я не знаю, беру два билета; Форман (экзаменатор) замечает, показывает мне кулак. Вопрос первый списываю из словаря (Аристотель). Ответ. Лебезю перед экзаменатором (налаживаю человеческий контакт). Списывал, трясаясь от страха; конечно; усталость ужасающая. Поехал на работу. (День рождения Лыковой). Компания. Зашел давний ее знакомый – Мкртчян; он женится, разговор вокруг этого. Шуточки.

–Вот кончится медовый месяц...

–А как узнать, что он кончился?

–Когда с фингалом придет.

–Вот когда-то он просунул голову в дырку в трафарете голого мужчины (с листиком). Это было да.

–Трафарет?

–Да. Но дырка не для листика, а для головы.

Потом рассказывали о празднестве каком-то, тощий и длинный изображал Римскую волчицу, встал на четвереньки в пиджаке, оттуда вывалилась рукавица с водой. Двое (и Мкртчян) припали к ней.

Мкртчян:

– Это было непрерывное действие.

Они шутили, смеялись. Я ясно представил это веселье; с одной стороны, молодцы. А с другой – все это сублимация, и в этом какая-то тоска.

Тут же у Лыковой на столе зазвонил телефон, она подняла трубку, смеющаяся.

– Да. Ах, Владимир Сергеевич! Я сейчас же бегу! Нет тут у нас своя компания.

Она вскочила и побежала к двери: это Гарков звонил, наш вышестоящий начальник. Иногда я встречаю его, спускающегося по лестнице, идет он очень неторопливо. Я говорю:

– Здравствуйте.

Никакого ответа.

Так же с директором института: его все боятся. Он не отвечает на приветствия; раза два столкнувшись и поздоровавшись, я перестал это делать. Он просто не видит тебя.

Вспомнил, как недавно мы – я и Горбовский, были в туалете. Туалет у нас большой и красивый, находится на втором этаже здания; мы с Горбовским зашли и встали, как положено, у писсуаров. И в этот же миг вошел Гарков, встал рядом с нами. Когда мы закончили, то подошли к умывальникам, и стали мыть руки; Гарков прошел мимо и вышел в дверь.

– Вот так, – сказал Горбовский. – Некоторые не умывают руки после этого. Видимо, утром моют хорошенько это дело, и на этом все.

– Точно, – сказал я.

С Форманом дела еще не окончились, он приглашал нас к себе – отметить окончание курса; в выходные дни поехали к нему. Купили, естественно, водки и вина. Потом Игорь Козлов – старший, как бы начальник курса, сходил и принес еще. С нами была девушка – тоже закончила курс; Форман после принесенного вина стал было танцевать с ней; она ушла. Мы почувствовали себя более свободно. В результате, когда я вышел, то шел, не шатаюсь, но где-то близко к этому; пересадку делал на Курском вокзале. И тут вспомнил, как мы с мамой и сестрой Верой уезжали с Курского проездом из города С. в Краснодар, года четыре назад. Я, Вера и мама около «Шоколадницы»; мама в ужасных серых босоножках, в кафе идти нам с ней было стыдно. Я не мог найти столовую, не знаю города – студент, учащийся в Москве; подержался туда, сюда – нет вывесок с надписью – столовая. Вера смеялась: «Сережка не знает Москвы». Приходится поздно вечером поехать в забегаловке Курского вокзала. Ночью уезжаем в Краснодар. Тополя, крыши; я проезжаю мимо районов, где живет Игорь – мой друг.

И вот еще к воспоминаниям о Формане, его курс по философии что-то имел в себе; вот, что я написал в тетрадке, готовящейся стать рефератом:

Жизнь – это и есть иллюзия. Мы живем, дышим полной грудью, только когда находимся во власти иллюзий; каждый, вспоминая свою жизнь, может подтвердить – самые лучшие дни в его жизни – это когда были какие-то иллюзии. Итак, с одной стороны, все наши представления, стремления – иллюзии, в смехотворности которых мы убеждаемся с возрастом. С другой, эти иллюзии и есть наша жизнь. Жизнь – иллюзия; иллюзия – жизнь. Значит, то и другое тождественно. Но потом я это выбросил.

Современная жизнь – это большой неустроенный город, сильно грязный и перекопанный. Битком набитый транспорт с затхлым и гриппозным воздухом; все нервные до предела. В транспорте не принято громко говорить (переговариваться), кричать. С точки зрения женщин мужчины неинтересные, скучные, убитые; романы, флирт – это что-то архаическое из стародавних времен. Каждый день два-три часа трясься в транспорте; на работе работы нет, никто не работает, и (поэтому) денег получают мало. В магазинах нет хороших товаров, плохо с продуктами питания. Живут в маленьких квартирках помногу людей – не одна семья, несколько поколений; дразги домашние, вражда, желание разъехаться. Всю домашнюю работу, в том числе черную, приходится делать самим: стирать, мыть квартиру, готовить, солить капусту. Сами растим детей, кормим их и убираем за ними. В этом отличие от прошлого, когда привилегированные клас-

сы жили «духовной жизнью», а низы тяжело работали на них, делали все черное. Есть, конечно, какие-то и верхи, элита, те, которые около верхнего эшелона управления; они больше всего боятся этой нашей непривилегированной жизни и всеми правдами и неправдами цепляются за свои места. Они создают круговую оборону, поруку, в которую проникнуть – нужны особые качества – напористость, ум, цепкость, точность, беспринципность. Из желания удержаться наверху проистекает ложь начальникам высшим. Сами высшие начальники также боятся жизни; им кажется, что они у кормила, и за одно то, что еще не разваливается страна, они достойны почитания и являются историческими личностями. Общество наше, конечно, закрытое и лучше не касаться этих самых верхних эшелонов.

Что же делать простому горожанину, который ездит в транспорте и видит, что толпы людей растут, что продуктов меньше, дорожают, и он, будучи инженером со стажем, едва может прокормить двоих детей? Что-то поддерживает его, и почему-то все-таки он остается оптимистом, и улыбка мелькает, и шутки он говорит, и суется, и на лыжах ходит, и деток на санках таскает в лес, и друзей на вечеринки зовет и поддает.

Вчера дома была безобразнейшая и глупейшая история. Я лежал на тахте с Аннушкой. Подошла Мария, стала цокать языком, звать на руки малышку; я из-за своей нелюбви к Марии не хотел пускать Анечку. А Мария все цокала языком, малышка лезла к ней и плакала, а я держал ее и молчал. Подошла Инна, округлила глаза. Мария хочет показать, что Анна ее любит, это не всегда выходит у Марии, когда же получается, она довольна. Но малышка так или иначе поймет, что настоящая любовь заключается не в минутном качании на руках и поцокивании. Почему же я не хочу пускать ее и ревную?

Потом еще, если думать об Анне, вспоминается ее любовь к смешным сценам. Например, я читаю ей сказку «Красавица и чудовище»; этот ритуал выполняется нами ежевечерне. Дело в том, что есть там слово – «туалет», это, конечно, упоминание о предметах туалета. И вот мы читаем, при этом я зеваю – мне тоже уже пора идти спать; подходим к этому слову, и я вижу, что Аннушка затихла. Я читаю это слово – «туалет» – и раздается радостный смех.

–Ха-ха-ха-ха!

Ну, вот и все; прочитано; можно идти спать.

Один раз, при чтении книжки о подводных жителях, я был

не прав; беру в руки книгу, на развороте ее изображено морское животное. И я говорю:

—Мы прочитаем сказку о тюленях.

И сейчас же Аннушка начинает протестовать:

—Зебра! Зебра!

—Аннушка, зебра другой зверь, водится в Африке.

—Зебра!

—Аннушка, но папа лучше знает.

—Зебра!

Мы начинаем читать, и тут я вижу, что допустил небольшую ошибку.

—Ах, Аннушка, это оказывается не тюлень, это нерпа.

И тут же раздается радостное подтверждение:

—Нерба! Нерба!

Иной раз бывает, что я совсем уже сплю, и прочитываю не то; например, вместо «тефтелька» прочитаю «туфелька», после чего раздается неумный смех Аннушки. Как умудрилась туфелька попасть на тарелку?

Наконец Аннушка отпустила меня. Я иду спать и думаю — да, маленькая моя, мне приходится работать, чтобы прокормить всех нас. У меня нет денег, всё заработанное мной кончается в момент следующей зарплаты. Есть какие-то люди, получающие деньги, на которые можно купить машину, квартиру. Я не из их числа. И второго ребёнка мне не поднять. Что же делать?

Перенесемся в институт. Я заметил, что к нам часто заходит начальник аспирантуры; это улыбающийся всем человек, по фамилии Горенко. Он проходит к Лыковой, и они начинают о чем-то шептаться, потом он уходит.

И вот однажды он подходит ко мне и, улыбаясь, говорит:

–Сергей, давай возьмем тебя в аспирантуру.

–Я не против. Но вы должны об этом сказать Лыковой.

–Да там все уже сказано.

–Замечательно.

Потом я думаю: все-таки, взяли не через три года, а пораньше, наверное, не хватает людей, которые идут в аспирантуру. Что ж, срок аспирантуры – четыре года.

Когда он ушел, подходит Лыкова.

–Сережа, берем тебя в аспирантуру. Но всякие там поблажки у нас не работают. Директор наш считает, что защищаться нужно по совокупности трудов. И ты ведь знаешь, что научного совета у нас в институте нет. Это значит, надо искать совет. Я, конечно, буду всячески тебя поддерживать. Но я не могу быть твоим руководителем в совете.

Но я пока еще не понимаю, что все это значит.

–Ну, давай, обсудим техническое задание минчанам.

Я был против того, чтобы давать им деньги – они ничего

не делают. Лыкова: «Так заведено. Научные связи. Не нам ломать традиции». Ну, что ж, пусть; деньги не мои; были бы мои, я бы им не дал.

Есть еще и другие люди, делающие для нас работу – из того же Минска, но университетские; они тоже считают на больших ЭВМ. Но я обнаружил, что есть еще военные, которые работают на тех же больших ЭВМ, и у них уже имеется набор кривых, по которым можно оценивать результаты. В сущности, на деньги, выделенные нами, две организации будут получать решения, близкие к результатам военных.

Подходил Новый Год, на который я возлагал надежды, почти мистически думал о нем: вот придет 1 января, и станет все иначе, этот год будет совершенно особым. А пока надо было согласовывать технические задания, и я думал: то ли больше на себя брать, то ли меньше, то ли скорее выгодно мне сделать всю работу, то ли подольше тянуть все это. Чувствовалась усталость, и думалось, что с началом года она как по волшебству пройдет. А еще методика, в которой все же поставил свою фамилию последней, хотя всю ее разрабатывал сам. Волнения, страхи дошли до того, что однажды я думал: Боже мой, уехать бы куда-нибудь, в тихий, маленький город, одному, и найти такую работу, чтобы не было начальников, и никаких подчиненных, и не надо бы «бороться за место под солнцем». Как-то утром натошак выпил кофе, в метро образовалось взвинченное состояние, слабость, страх сердцебиения. Вечерами усталость, мрачные мысли обо всей этой кутерьме; и вдруг вздохнул слегка свободнее, когда стало ясно, что формально ответственный исполнитель НИР – не я, и не могу им быть, ибо я – инженер! Всего лишь! Что же будет дальше?! Я понял, что надо поспокойнее относиться ко всему, иначе дойдет Бог знает до чего.

Как-то раз был разговор с Инной, и мы поняли, что в от-

ношениях между людьми всюду устанавливается естественным путем, если так можно выразиться, презумпция недоверия? надувательства? Между женщиной и мужчиной, начальниками и подчиненными, сослуживцами и, более широко – коллективами, предприятиями. Нельзя быть слишком хорошим: партнером, начальником, сослуживцем, подчиненным и так далее; иначе сядут на голову. Из этого начинают в конце концов исходить все. Я сказал Инне: что-то такое говорил Георгий Петрович давным-давно; при упоминании Георгия Петровича, Инна начинает обиженно дуться. Все мы заметили, что он часто пропадает допоздна. Однажды Инна спросила его:

–Папа, а ты где пропадаешь? Нам это непонятно!

И тут Георгий Петрович взвился; он стал кричать, что он взрослый человек, и не позволит другим вмешиваться в свою жизнь.

Инна молчала, вся в слезах, я сидел, не зная, что делать. Несколько лет назад они похоронили маму, и Инна до сих пор вспоминает ее. Но что же теперь, Георгий Петрович не имеет права на личную жизнь?

На работе мимо меня идет Анна Гавриловна, и останавливается.

–Ну, что, Сережа, сделал что-нибудь новое?

После моего ответа она говорит:

–Но ведь то, что ты делаешь – ерунда?

Я пожимаю плечами. Анна Гавриловна отходит. Я называю ее про себя – «пиршество женского тела»; так она когда-то выразилась. «Современные мужчины никуда не годятся». Рассказывает страшные истории: взорвался телевизор; продавцы избили девушку, и она выбросилась из окна; мальчик, дурачась, повесился на шарфе. Главное же – это «современные мужчины никуда не годятся»; ей хотелось бы, чтобы мужчина был более активен, пусть даже не по отношению к ней. В себе она уже отчаялась; все беды женского одиночества проистекают от тупости, трусости, равнодушия, пустоты современных мужчин. Она ездит на курорт, оттуда приезжает загорелая, с обвисшей кожей. Всегда лезет в разговор и моментально начинает противоречить, спорить. О Батурине: «Подумаешь, какой-то ведущий инженер». Разговоры о Черноморском побережье Кавказа, там она действительно бывала и хорошо все знает. Любит поговорить о свойствах человеческой натуры, и вообще... Немного философ. «Говорят,

сейчас плохо. А так было всегда». А мужчины какие-то идиоты, одеваются, Бог знает как, говорят неизвестно что, отпуск проводят дома, ограничены. Как-то сказала:

–Так много людей с моей фамилией.

Володя:

–Пора отстреливать.

–В том году родилась я. Хорошо!

Володя:

–Что ж хорошего?

Приехал из Белорусского университета Козельский. Невзрачный человек, свою невзрачность он маскирует тонированными очками, длинными волосами, несколько развязными манерами. В дороге или здесь уже простыл, хлюпал носом, а может, так всегда; говорил, что не привык вставать в шесть, а – в девять-десять.

–Я люблю работать дома, один.

Видно было, что ему это нравится – видеть себя работающим на дому, свободным ученым, и что он относится с большим уважением к своим занятиям.

–Когда встаю рано, мне надо накачаться кофе, иначе потом болит голова. У вас здесь только на Горького можно попить кофе. Растворимый – это ерунда. Да и в зернах. Мне как-то привезли кофе из Африки. Выпил чашечку, и глаза на лоб полезли. А наш кофе дуешь, дуешь – и никакого эффекта. Из него паром удаляют кофеин.

Когда попрощались, и я пошел мыть руки, потому что в носу его что-то булькало со страшной силой, он сморкался. Он читал у меня толстый журнал. Я сказал:

–Это подборка молодых писателей.

–Молодых? Что-то уж больно по старому пишут. – (Писатели писали все больше о тайге, каких-то старых пастухах, охоте, и тому подобное) – Наших белорусов я принципиально не читаю. У них уровень еще ниже.

Приближается праздник – 23 февраля. Женщины стучат ножами, пахнет вареным яйцом: готовится салат с яйцами, картошкой и майонезом. Мужчины ушли наверх, там барахлит установка. Я сижу в парадном костюме, как белый ворон (хотя костюм черный); нахожусь на своем месте, делаю вид, что изучаю научный журнал.

Я иду в машбюро; оно расположено в отдельно, и подать материалы возможно только войдя в специальную комнату. Я захожу и вижу, что никого нет, значит, можно вместе с материалами поздравить старшую машинистку, я протягиваю ей шоколадку, говорю поздравления; улыбаюсь, и вижу, что она тоже поглядывает на меня благосклонно. Она в праздничном наряде.

Возвращаюсь. Уже появились мужчины; Батурин подходит к Лыковой за спиртом. Мнется. Лыкова:

–Я чувствую, вы за чаем пришли.

–Нет, я не за чаем.

–Я понимаю. Вам дать?

–Как? Прямо при всех?

–Конечно при всех, именно при всех.

Володя громко и решительно произносит:

–При свидетелях! Чтобы потом не отпирался!

Наконец, спирт выделен, начинается добавление воды; теперь надо подождать, идет остывание продукта.

Лыкова приехала в Москву по распределению девчонкой после университета. В метро сразу же срезали сумочку со всеми документами; хорошо, увидели – денег нет, и положили на пол рядом с ней.

Множество знакомств, которыми она явно (и преувеличено) гордится; занимается подпиской, распространением книг (выгодное дело, обмен).

–Главное – здоровье остальное достанем по блату, – шутивное ее пожелание. Ездилa с цветами поздравлять женщину – начальницу «Союзпечати».

Переменчивое, неконтролируемое настроение; иногда впадает в лавину ухудшающегося настроения по пустячному поводу; в другой раз беспричинно весела, шутит с подчиненными, улыбается. Громкий чих – это она чихнула. Стол замазан каким-то вареньем, завален бумагами; подходя к ней с документами, надо быть осторожным – не то твои бумаги окажутся запачканными. В ее рабочем месте больше всего мышей, они однажды погрызли ее материалы.

И лицо ее – кажется, будто какое-то не вымытое.

Поздравляя именинника:

–Желаем тебе от всей души и от всего тела, – или даже. –
От всех частей тела.

На сабантуе вставила морковку поросенку между ног.

Началась пирушка; нам всем, мужчинам, подарили горо-

скопы; мой был расшифрован весьма лестно. В ответном слове, захмелев, я сказал:

—Мне как-то гадали по руке (продолжая тему гороскопов). И вышло, что у меня будет две жены и три любовницы. (Общий смех.) Я конечно, как советский человек, был озадачен, выразил протест. Мы знаем песню из кинофильма «Кавказская пленница», в которой обозначены и достоинства, и недостатки многоженства. Да, достоинства есть, но имеются и существенные недостатки. (Пауза). Но сегодня, глядя на этот роскошный стол, я начинаю склоняться к мысли, что достоинств все-таки больше.

Женщины были приятно возбуждены, Кубацкая воскликнула:

—Записываюсь в твой гарем!

Анна Гавриловна сказала:

—Ты будешь большим человеком! (Что-то такое).

Мужчины, я понимал, откликнутся несколько иначе; Батурин встал, посмотрел сверху на мою начинающуюся лысину и сказал:

—То-то я смотрю и понимаю!

И так далее.

На следующий день утром, Лыкова взяла в отделе связи вернувшееся к нам обратно наше ТЗ, утвержденное нашим директором, не согласованное вторыми нашими исполнителями, и расчерканное их карандашными исправлениями. Она взбудораженно говорила:

–Нет, какое хамство! Я стану в позу, не буду ничего менять! Они прислали свой вариант!

Потом появился Рыжов; я ждал его появления с напряжением, ибо у нас с ним не заладилось с самого начала, когда он сказал в ответ на мои совершенно справедливые требования в отчет включить все их методы:

–Это ни к чему!

И, обращаясь, к Батурину, с целью восстановить его против меня:

–Сергея можно понять, вероятно, он впервые ведет такую работу. У него нет опыта.

Я подумал: все же ты, брат, чудак. Разве можно? И Лыкова сказала:

–Вести работу будет Сергей. (Я – инженер, Батурин – ведущий, и он как-то опустил глаза).

Требования мои были совершенно справедливы, и Батурин согласился с моей формулировкой:

—Черный ящик мы от них не примем.

Тем более что я, как бы в опровержение заявления Лыковой, что работу буду вести я, с самого начала подвел Рыжова к Батурину, с благородной миной следующего содержания: я не собираюсь отстранять вас от дел, приглашаю вас к переговорам. Итак, мы не согласились с Рыжовым. Он мотивировал так:

—Зачем вам знать, что внутри нашего ящика? Главное, что он дает хорошие результаты. Результаты, проверенные на моделирующих установках.

—Моделирующие установки — не критерий истины. Они по вашей теории построены, и ящик то же самое. Порочный круг.

Я же чувствовал, что дело тут в том, что они не хотят раскрывать своих результатов, боятся. Возможно, кто-то у них делает диссертацию. Я даже понял, кто — Ефимов, знакомый мне по журнальным статьям.

Так было в тот раз, я после шел по Покровскому бульвару, таял снег, кучи грязные, иностранные машины у представительства. Лихорадочно думал: неужели меня обошли? Понял: нет, я впереди, предлагаю действительно новое и эффективное.

Рыжов по телефону еще раз отбрыкивался от изложения их методики. Я говорил Лыковой:

—Если они боятся, пусть публикуют статьи. Так это делается в науке.

Второй их приезд с Ефимовым – мы уламывали их сделать хорошую, нужную программу, а Рыжов никак не хотел, уперся в ГОСТ, в однородность поля. Я говорил: не ГОСТы должны двигать НИР, а НИР призваны развивать ГОСТы; он проявлял свои демагогические свойства в полной мере:

–Ваше представление неоднородностей неправильно, некорректно.

–Что же вы считаете – считать поле однородным ближе к истине?

Мне приходилось, преодолевая его демагогию, неуважение, наглость, бороться за то, чтобы их будущее детище было приличным.

Третий приезд; он опять отбрыкивается от неоднородности.

–Мне не подписало начальство. Потому что у нас принята иная форма ТЗ – по ОСТ.

У нас же ТЗ написано по ГОСТ. Начался демагогический спор, как правильнее; это уже не моё дело, я отошел, посмеиваясь. Видно было, что здесь Рыжов такой дока и демагог, что Лыкова бледнела перед ним, терялась. Еще он постоянно говорил и словами и поведением: не лезьте в наши дела, мы не признаем, что вы можете нами руководить.

Подъехал Ефимов; он вдруг оказался таким простецким добрым малым. Да, все будет хорошо, договоримся, сделаем; попросил отчет БГУ, стал рыться. Я вдруг подумал: начальник говорит – не лезьте не в свое дело, мы вам ничего

не расскажем, а подчиненный – все будет хорошо, и тут же роется в наших материалах. Хороший тандем. Я сказал, что надо сдавать отчет, но тот копался в нем около часа.

Наконец, договорились. Мне стало наплевать, я думал: зачем мне это? Почему я должен стараться, чтобы они получили хорошие результаты, тем самым играя на руку Ефимову – моему, в сущности конкуренту по теме? Я знаю, что если я не буду тянуть их работу, они ее завалят. Рыжов меня оскорбляет постоянным пренебрежением; я не буду его тянуть, думал я; но по службе я его обязан вытягивать. И Лыкова – подсунула товарищей по работе; мы были в мыле, подписывая ТЗ. Рыжов тоже как-то сник, устал; Лыкова стирала его карандашные каракули на ТЗ, а он бормотал, показывая в мою сторону:

– Это вот ему дайте стирать, ему полезно.

Это был конец вторых суток; мне было как-то не по себе. С утра боль в области сердца. На Рыжова не мог смотреть; он, кажется, так же не смотрел на меня, я его довел своей самоуверенностью.

Думал об этом тандеме с подозрением. Как хорошо придумали! Один деморализует своей наглостью, отказом раскрываться заказчику, а другой, простачок, роется в наших материалах.

Зачем мне все это нужно? Я был совершенно вымотан; родилось недоверие к Рыжову, Ефимову, Лыковой, которой все это нужно для развития ее дурацкой деятельности, а я

думал, что она и мою тему им швырнет под ноги ради своих мельтешений. Как быть? Я должен их тянуть по долгу службы; придет отчет с ошибкой, только я могу найти, понять, исправить, подсказать, помочь. Но зачем мне это нужно? А не исправишь – на тебя обрушится. Впрочем, Батуриин ответственный исполнитель; значит – игра в свою пользу, в тайне от тех и от других? Как это противно! Но я не хотел этого, стремился сделать как лучше, правильнее; безусловно, вредить не буду, но, чтобы тянуть их, это посмотрим.

Выпили спирта, и все-таки примирение не пришло; и напряженность, и скрытая враждебность так и остались. Вечером от этого мне было тяжело; Батуриин сказал: Рыжов при прощении был очень обижен.

Потом как-то на работе неприятная, впервые, боль за грудиной, чувствительная; затем ночью повторилась. Ночь не спал, днем состояние плохое. Я думал о том, что это организм, конечно, сдает. Вот сигналы от сердца, рановато, что-то; я даже кандидатскую не сделал. Думалось о смерти, но без страха. Главное, если не уйду от инфаркта, сослуживцы будут поговаривать, или в крайнем случае подумывать: «Вот. Рвался человек, и вот вам результат. Надо жить спокойно!» А ведь я не рвусь; немного интересно, некоторый азарт захватил меня. Но я бы оскорбился, если бы мне сказали, что я выкладываюсь; поэтому недоумение по поводу этих болей. Потом обнаружилась ошибка, причем, существенная, в статье, которая сдана в печать; все это прибавало общее настро-

ение.

Как быть с ущербными людьми, в которых ущербность внешняя соединяется с ущербностью содержания? Наша библиотечка – темное, маленькое личико, маленькая сутулая фигурка, она сидит обычно боком к стойке, что-то пишет, и если появляется кто-то, она смотрит искоса, куда-то около, а не в глаза, а лицо ее еще несколько секунд сохраняет отсутствующее, черствое выражение. Потом, когда уже начинаешь думать, что она так тебя и не заметила, она встает, приближается с неохотой и страданием в лице и отрывисто спрашивает:

–Чего вам?

В красной кофте, темные волосы забраны на затылке в толстый узелок; подумаешь – что там внутри? Я говорю с ней четко и жестко; сначала в ней была даже враждебность, как и ко всем. Теперь почему-то она меня выделяет среди других; иногда ни с того ни с сего улыбнется, когда спросишь какую-либо книгу. Улыбка ее совершенно не к месту на ее замкнутом навсегда лице, она удивляет и немного смешит; конечно, напарницы про себя посмеиваются над ней. А я, заметив ее неожиданное маленькое расположение, думаю: в сущности, это неплохо; разве плохо, когда библиотечка все-таки расположена к тебе? Будь ней добрее, вежливее; но тут

же приходит другая мысль: нет, нет, наоборот, надо быть по-прежнему четким и жестким, и тогда, я чувствую, я сохраню маленькую власть над ней.

Георгий Петрович женился. Вчера, в день рождения его супруги Ирины Игнатьевны, при прощании, он спросил у меня:

—Ну что, есть что-то новое? На работе?

—Да как-то ничего нового нет.

—Как же так, я уже привык, что у тебя все время что-то новое, и жду.

Мы посмеивались, пожимали руки.

Я задумался о том, что в словах его есть правда – я перестал выдавать новое, исследования не предпринимаю, сижу на сделанном в первые два года. Почему так? Стало казаться, что заслуживаю лучшего отношения: идет третий год работы, сделано много, в сущности, уровень наш стал другим. Я специалист, получивший некоторое всесоюзное признание; могли бы и повысить немного, эти мысли – от полутора лет жизни втроем на одну зарплату, и они не главные. Главное, что мой труд, целиком мой, большой, обрел много фамилий на обложке, и моя фамилия поместилась на последнем месте. Это сделал я сам исходя из известных соображений, не хотелось интриг, склок и прочее. (За свое, пусть даже за «кровное».) Эти же честные люди восприняли это как само собой разумеющееся, и теперь я почувствовал, что

я сдал какие-то позиции, утратил какое-то полезное противостояние, напряжение, какую-то позицию сильного человека; что это воспринято как моя слабость (так и есть) и значит со мной можно полегче, попроще. Отношения с Батуриным внешне улучшились, но я со всей ясностью говорю себе, что не люблю этого зануду; в то же время мы с ним стали как-то легко говорить «за жизнь» и прочее. Сколько нервов мне стоило решение поставить их фамилии, и вот я стал равнодушен к этому труду и его судьбе. Я приехал и обнаружил, что даже на конференцию молодых специалистов в тезисах доклада Лыкова поставила кучу фамилий; она же хочет в конкурсе выставить статью как дело коллектива. Это понятное желание, но...

– Ты доложишь, а представим как труд общий, – «просто-душно» говорила она. – Там и премии бывают, до двухсот рублей. Премию пропьём.

Я хожу по институту и с тоской думаю о внезапно представившейся мне другой – атмосфере здешней. То я был молодым, энергичным специалистом (мое самовидение), который талантлив и намерен своим талантом честно достигнуть успеха, победить; атмосфера института представлялась слегка приподнятой, праздничной; и все будут с доброжелательностью наблюдать твои победы. Теперь же я думаю об этих толстых стенах, зануде Батурине, лезущей на всеобщее внимание и противно переменчивой в настроении Лыковой, ненормальной Анне Гавриловне, о сотрудниках, не видящих

дальше носа; они хорошие специалисты, но какая-то тоска: их шутки, разговоры открывают ужасную дремучесть. Я никогда не осуждал людей за это, и сейчас не осуждаю, они другие; но их уверенность в том, что они очень интересные, образованные люди, здорово и злободневно шутят – это удручает. Начальники, не моющие руки после туалета и не здоровающиеся; конечно, должен здороваться младший, но я не могу сказать «здравствуйте» человеку, если не вижу встречного импульса. Сначала меня это нервировало, а теперь я прохожу спокойно мимо Гаркова, и даже не взглядываю на него, а тот, может, думает: «Этот не здоровается со мной, нахал».

Но главное – работа, а здесь тоже тоска; сегодня вспомнил, что собирался показать статью Лыковой, давно написанную, лежащую, и забыл это сделать. Потому что чувствую, что теперь она и здесь подставит свою фамилию; я говорю себе – пусть, это нужно, это полезно, все это ерунда; ну вот и получается – это чепуха, и на все наплевать.

Итак, с чего же все началось? В конце октября появились заказы «Мандат», «Пума», «Кристалл», «Багет»; Батурин как всегда тянул, мялся, не поручал ничего делать, а сам я напрашиваться не разработку не хотел. (Глупо, почему я должен распределять работу? Это дело Батурина, вышестоящего.) С другой стороны, становилось страшновато, потому что я знал, что срочный заказ обязательно обрушится на меня; времени оставалось все меньше. Я только что сделал за Валентину «Корунд» (она болела), и вот спросил у Батурина: –Что делать в ноябре – «Мандат» или «Пуму»? –Начинай пока «Мандат», – проямлил Батурин. Я твердо сказал: –Буду делать «Мандат», – говоря этим: два заказа в месяц я сопровождать не стану.

Они уехали в Харьков, были там с неделю, приехали в начале ноября; Батурин начал делать «Пуму». «Кристалл» и «Багет» – он попытался перебросить мне обе работы; одну я взял, вторую отклонил. «Пусть у тебя полежит» – так было сформулировано подсовывание ТЗ; он опять молчал о том, кто будет делать какой заказ. И я чувствовал: снова он считает, что я должен сделать все сам; он боится работать, потому, что малокомпетентен и медлителен. В отношениях была

натянутость.

Отмечали его день рождения; он вызвался с чтением своих стихов. Там были якобы дружеские шаржи. Лыковой: «Я ее просто поцелую», что и исполнено.

Что касается меня, то здесь он срифмовал со стаканом, что-то там: «Мой друг Фурье! Зачем ты ищешь оригинал, когда изображение – стакан». Лыкова: «Ага, Сережа, верно подмечено». «Я и не знал своей сущности», сказал я; меня покорило этот выпад.

Когда вышли в курилку, кто-то по какому-то поводу вернулся к этому и сказал, улыбаясь:

–В каждой шутке, как говорится, есть доля истины.

Я заметил:

–Я даже читал так: в каждой шутке есть доля смешного.

Батурин придвинулся ко мне:

–А ты что там говорил, что не понял?

–Я не понимал своей сущности,– сказал я ему четко. –А благодаря вам понял.

–Ну что возвращаться к пьяной шутке, – сказал Батурин.

–Это не я возвращаюсь.

Потом, раздумывая о «шутке», мне все больше переставало навиться это, и к Батурину я проникался неприятным чувством. Это была не шутка, а явно агрессивный выпад, рассчитанный на определенную реакцию; показательным было, что Лыкова его подхватила.

Потом приехал Александр, из Белорусского университе-

та, три дня работал на большой машине, но программу не внедрил, уехал по семейным обстоятельствам. В пятницу с ним собирались остаться работать вечером, но поняли – бесполезно. Жена у него в роддоме. Я показал ему, что должно было получаться в разомкнутой цепи – колебания, у них получалось совсем не то, но он всячески цеплялся за свой результат.

Вошла Лыкова, за ней семенил Батури́н. Лыкова крикнула с той половины:

–А вот Сергей закончит работу. Сергей, Батури́н уезжает на два дня, тебе передаст свой заказ, сдашь в печать и передашь заказчику.

Строптивость овладела мной; я почувствовал бешенство. Причем, не он просит, а приказ Лыковой, в какой-то ультимативной форме, чуть ли не окрик, как будто я оловянный солдатик. Батури́н на меня не смотрел, отводил глаза, я понимал – ему стыдно, он сам чувствует, что последнее время все и так висит на мне, вот Лыкова и взяла инициативу на себя, приказ и точка. Она подошла к его столу, рядом с нами. Я показал, что не хочу за него дописывать, потому что потом еще я бываю виноват: что-то не так сделал. Лыкова заставила его переделывать выводы. Я удивился:

–Последние два заказа так делали, как у него сейчас.

–Вот Лыкова считает, что надо не так, – сказал Батури́н.

–В выводах не должно быть никаких ссылок на другие пункты, – сказала Лыкова.

—Но вы же пропустили два последних заказа в таком виде, — сказал я.

Она со смешком, доверительно:

—Это называется один дурак написал, а другой...

—Выводы должны быть компактными, не растекаться мыслью по древу, — возразил я. Возражал, чувствуя взвинченность, желание как-то уязвить их. Александр улыбнулся. А Лыкова конечно тоже взвилась, она не любит ни малейших возражений. Александр стал прощаться, я, пожимая руку ему, сказал:

—Ну, давай. Только функцию Бесселя все же не распечатывай.

Лыкова смеясь, улыбаясь, вдруг брякнула:

—Батурин сказал: Сережа у нас стакан.

(Это ей вспомнился Фурье в связи с Бесселем).

Александр улыбнулся, переводя взгляд с меня на Лыкову, которая сидела красная.

Я почувствовал себя оскорбленным — она это сказала при отсутствии постороннего человека. Я умолк.

—Зачем обижаете человека, — мягким голосом произнес Батурин, исправляя выводы, сидя спиной ко мне.

—Батурин почему-то подумал, что я обижаюсь.

Александр улыбался, глядя на нас. Потом я думал, надо было сказать: «Александр, ты конечно думаешь, о чем здесь речь. Видишь ли, я пью, пью и пью. Часто бываю на работе пьяным. Правда, странно, не один, но это не важно. Так вот,

во время одной нашей пирушки Батурин остроумно срифмовал меня со стаканом».

В выходные дни томило тяжелое чувство, почти непереносимое; я думал о Батурине, Лыковой: «Вы ещё побольше на меня нагружайте». Возмущало, что я тяну всю теоретическую работу по методам расчета, а мне бросают еще и всю производственную. Тяжелые два дня, испорченные выходные; я рассказал все Инне, и она сказала:

–Скажи Лыковой, я больше не буду доделывать ни за кого работу. Если не может сделать сам, пусть не берется. Скажи, что он нарочно тянет с заданием, чтобы стало срочно, и только ты мог выполнить.

И вот, сделав все-таки работу, я так ей и сказал, причем при всех; Лыкова округлила глаза, сделала огорченное лицо.

–Мы всегда помогаем друг другу, как так можно?

–Это все время так. Как только Батурин собрался на охоту или еще куда-то, так остается за него работать. Что я – водосбросная яма? Я понимаю еще – Валя, у нее дети. А тут... Если будет так продолжаться, то у меня не останется ни времени, ни сил на другую работу.

–Я знаю, почему ты так говоришь. Потому что ты о себе беспокоишься, о своей работе. А Батурин, все знают сколько у него общественной работы.

Я не стал ей говорить, что надо в первую очередь делать

работу, и если не хватает времени на нее, так и не пускаться в общественную, все это бесполезно. Итак, я оказался эгоистом, так она меня выставляла, я сказал:

—Если я буду тянуть все, то не хватит сил на работу с белорусами.

Белорусы – мой козырь; без меня они не выполняют эту работу, а она нужна Лыковой. Это мое выступление выслушали, делая вид, что им это вовсе не интересно, все присутствовавшие.

После обеда появился Батурин, у него был понурый вид; он приехал откуда-то с похорон.

—Бедный, даже осунулся, – сказала Лыкова, явно для меня.

Вот мол, человек с горем, а ты... Но он, уезжая, ничего не говорил мне об этом, приказывала Лыкова. Поэтому, подумал я, мне и сейчас неинтересно. Прошел час. Он обратился ко мне, спросил о работе.

—Я все сдал.

—Спасибо.

—Меня благодарить не надо, благодарите Лыкову, она мне приказала.

—Как же так, мы что-то не понимаем друг друга. Я ведь передавал тебе блокнот.

—Вы передавали технические подробности. А приказ я получил от Лыковой.

Инна, выслушав мой рассказ, сказала:

–Разве можно было при всех выступать против Лыковой?

Я подумал, что, возможно, здесь переборщил; можно было потихоньку, в деликатной форме поклепать на Батурина, пожаловаться, что завалил невмоготу, нарочно тянет с распределением заказов.

–Нет, – сказал я, – она мне при всех как солдатику приказывала, и я так и ответил. Надо показать зубы.

–Может быть, ты и прав, – сказала Инна.

(Еще я Лыковой сказал:

–Меня поразил еще ваш тон. О таких вещах, о доделках за кого-то, принято просить. А здесь какой-то ультимативный приказ.

–А что же ты думал, Сергей. Работа – это та же армия. Приказ – и исполнение.

Я поглядел на нее с изумлением; надо было сказать:

–Вы совершенно правы. Армия. Но не совсем.)

Я чувствовал облегчение и легкое возбуждение. «Надо показать зубы! Я вижу, что у них там только с экономических позиций на все смотрят. Я должен быть готовым к решительным поступкам. У меня хорошие работы по теме. Я найду себе работу». Я рассказал Инне о Рябове и Шарове, с которыми познакомился на конференции. Можно будет позвонить им, спросить о работе. «Я найду себе работу. Но думаю, до этого не дойдет. Я им нужен, без меня они никуда не денутся. Батурин – бездарь и лентяй.» И в таком возбужденном, приподнятом, боевитом настроении я провел вечер.

Вспомнилось еще, что когда я выступил против Лыковой, после подошла Кубацкая и прошептала:

—Как мне тебя жаль. Знаешь, ты совершенно прав. У меня так же было. Все работы делала, потом сказала: Анна Гаврилова пусть тоже работает. Сколько можно учиться и повышать квалификацию? Но ты знаешь, она до того дошла, что сказала: уходи из лаборатории. Она тебе этого не простит.

Но я был спокоен; я думал: я ей нужен. В этом, единственно, мое спасение.

На следующий день я вызвал Батурина в курилку и поговорил с ним. Я сказал:

– У нас есть производственная работа – наше основное. Все мы люди занятые. У вас общественная работа. У Вали дети. У Володи эксперименты. У меня – разработка методов расчета и НИР. Поэтому предлагаю разделить заказы поровну – на четверых.

Батурин был такой мягкий, как бы несколько удивленный моим вчерашним взрывом. Меня удивило то, что, во всяком случае внешне, они уверены в своей правоте, и убеждены, что мое поведение – это какое-то недоразумение, ошибка (по Батурина) или эгоизм, проявление непримиримых черт характера (по Лыковой). Батурин сказал:

– Это я догадываюсь, наверное, потому, что ты в последнее время работал не разгибаясь, так получилось. Мы ведь были в Харькове. – (Там они провели неделю. Приехали уже больше месяца.) – У нас раньше не возникало никаких таких трений. И странно, что ты так болезненно отнесся к просьбе закончить работу.

– Вы меня не просили.

– Просил, ну да ладно об этом.

– Дело в том, что это не в первый раз. Много уже было.

–Возможно. Ну и что? Если бы ты попросил меня, я бы несколько не... с удовольствием сделал бы то же.

Говорить об этом было бесполезно, я снова перешел к существу – разделению заказов, требованию, чтобы они распределялись загодя, заранее. Здесь Батурин начал со мной торговаться, он первым же делом сказал:

–Ты учти, ведь то, что мы разрабатываем методы расчета – это нужно и лично тебе.

–Да, вот и получается ваша психология отсюда: ему надо писать диссертацию, значит, он не пикнет, можно навалить всю работу.

–Не знаю, откуда ты взял такую психологию.

–То, что я разрабатываю методы, нужно объективно, вы сами это знаете. И я еще раз говорю: я физически не могу тянуть все заказы.

Он еще пытался свалить опять же на меня – что я не написал руководства к методам, к программам. Но оно есть – методика; правда, нет такой что ли, «инструкции для дураков». Этого нет, значит, опять виновен я. Ясно – кто работает, тот и виноват, потому что кто не делает ничего, тот и не ошибается.

Итак, шла торговля; затронули Володю, я колебался, Володя нужен мне для проведения кое-каких экспериментов. Я предложил ему идею, он уже неделю или две чертит в день по шайбе, но хоть что-то. Соблазнял его статьей, но соблазн, конечно, невелик; больше для него ничего не могу сделать.

Вот и сидит, дремлет, чертит по шайбе в день. Если я буду напирать на Володю, он не будет делать и это; поэтому его отставили как-то самим собой, и нас осталось трое. Далее Батурин сказал – ну, мы с Вале́й, сам понимаешь, иногда не получится, тебе придется помогать.

Договорились провести собрание группы и обсудить вопросы разделения. Он еще намекал на то, что Валю нужно запрячь посильнее, а я не хотел никаких тайных разделов. Впереди было еще два заказа – «Кристалл» и «Багет». Мой был «Багет». Но «Кристалл» оказался очень срочным и ответственным; как-то подошла Лыкова, говорила о срочности и выразительно смотрела на меня. Я взял «Кристалл» на себя.

–Зачем! – говорила Инна. – Ты должен был дожидаться, когда тебя попросят.

–Понимаешь, она смотрела очень выразительно. Я должен проявить добрую волю на сей раз.

Лыкова подошла с «Кристаллом» на следующий день после нашего с ней вечернего разговора. Началось с того, что мне позвонили из аспирантуры, надо было заполнить журнал занятий с руководителем и дать подписать Лыковой. Заполнил; за первое полугодие, как было видно, ей заплатили 62 рубля 50 копеек, за второе причиталось столько же. Но она не хотела просто так получить деньги, она усадила меня рядом, сделала строгое обиженное лицо и стала выговаривать.

–Я удивлена тем, что ты так поступил, отказался помогать

товарищу. У нас все помогают друг другу.

Я говорил, что подобное – превышение заказов на меня – было многократно. Но наши аргументы как бы не пересекались, она твердила:

–Так нехорошо.

А я:

–Батурин поступает некорректно.

Она:

–Я вплоть до того дойду, что откажусь быть твоим руководителем.

Я понимал, что это просто угрозы, в ответ на мое выступление.

–Получается игра в одни ворота, – твердила она, – ведь все это мы согласились делать ради тебя – разрабатывать методики и прочее. Нам это не нужно.

Я слегка удивился. Но потом понял, что это опять же ее представление дел в одностороннем свете; я не стал слишком сильно возражать на это, она говорила, что они могли бы прожить и без моих работ, как-нибудь выкрутились, как раньше.

–Сейчас уже другой уровень и требований и состояние дел в отрасли. Вы поймите, надо идти чуть впереди, – говорил я, она соглашалась, и снова возвращалась к своим «одним воротам», которые, по-моему, как раз в другую сторону обращены.

Внезапно Лыкова сказала:

—Я понимаю, ты, наверное, обиделся на что-то другое. Но с этим теперь все.

Я свернул на то, что устал от работы, Батурин сваливает все на меня, тянет с распределением. «Я хочу одного — более или менее равномерного распределения заказов». Она сказала — да, это я сделаю, буду распределять лично, на троих.

24

Назавтра я сидел в полудреме, у себя за столом. Внезапно какой-то толчок, импульс страха: что-то забыл! Тут же понимаю, что ничего не забыл, просто какое-то ошибочное ощущение; и всё же мозг силится доискаться до этого несуществующего забытого, с напряжением, и я чувствую, что сознание словно заикливается в петле обратной связи. Стало страшно, вскочил, боялся закричать; усилием воли отогнал мысли, выключил. Кубацкая сидела, я боялся, что возьму вот так, сойду с ума. Страшило даже не само сумасшествие, а то, что они будут видеть это. Я вышел во двор института, старательно отгоняя мысли, не хотел думать, так как боялся этого заикливания; но не думать невозможно. И я, трясаясь, думал то о том, то об этом, а в основном смотрел и глубоко дышал. Что-то не так! Что-то не так, и все! Что-то не так со мной, с миром. В этот момент я понимал душевнобольных и сочувствовал им; как это верно — бывает боль душевная. Сердцебиение, легкий недостаток воздуха; мир я видел, словно на-

крытым тенью. Я долго ходил по двору, потом решил, что это просто физическое недомогание. Я боялся вернуться к столу, к книгам. Временами отпускало, и я наслаждался душевным покоем, расслабленностью; потом снова подступало сердцебиение, страх. Наконец вернулся, сидел с закрытыми глазами и успокоился.

Это словно рыба, думал я, через несколько дней; она всегда неосознанно стремится уйти в глубину океана, которая есть тоже она. И она там безмолвно плавает, натывается на образы, то смутные, то яркие; на мысли. Рыба – это мое я. Моя рыба всегда любила блуждать в глубинах своего океана. (И она блуждала там иногда довольно продуктивно, кое-что вылавливала.) Но штука в том, что эта рыба на самом деле воздуходышащая; ей надо выныривать на поверхность, глотнуть воздуха, просто посмотреть, что там, на обыкновенной поверхности.

В те дни рыба моя вдруг испугалась глубин океана и не могла погружаться в них, а свет на поверхности слепил и болезненно раздражал ее. И она никуда не могла деться, дергалась то вглубь, то наверх, и всего пугалась. Интересно, что движения рыбы в обычном состоянии бесконтрольны и довольно бестолковы. Я пробовал установить контроль, заставить ее пойти в определенную сторону; но она очень скользкая, своевольная, не любит этого.

Тучи с Лыковой начали рассеиваться, она сказала мне:

—Я понимаю, так — ты просто переутомился. Так попросил бы два денька. Как же так?

—Поймите, я человек обязательный, и больше даже, чем кто-либо думает, болею об общем деле. Но я физически не могу тянуть все заказы.

В конце концов, помирились. Она намекнула, что в срочных случаях все же рассчитывает на меня; когда ехали в метро, заговорила о советах, защитах. Дело в том, что в нашем институте не было совета, и надо будет где-то искать совет. И ей самой, пока, невозможно быть руководителем диссертации, у нее нет звания старший научный сотрудник; но она постарается, конечно, это звание получить. Даже научно-исследовательские работы, получается, она брала для меня.

Потом иногда я с тоской думал об этом вранье, что НИ-Ры берутся для моего развития; вспоминал, как она не пускала меня в аспирантуру. Возмущало ее подчеркивание, что я работаю на себя; бескорыстная; когда получает в три раза больше меня, и еще тянет со всех сторон.

Итак, год подошел к концу. Я сделал «Кристалл», сделали с Валею «Багет», написал Лыковой список сделанного за год. Она ездила к Генеральному заказчику, там пробивает оче-

редную НИР (нужный мне, очевидно). Она схватила и еще одну НИР; подошла «советоваться» – брать ли? Мне он не нужен; подмывало сказать: в будущем не говорите, что это для меня, но я не сказал ничего.

И вот в пятницу (такие вещи делаются именно в конце недели, чтобы испортить выходные), Лыкова влетает сектор, бежит на сторону женщин (там же и Батулин) и громко рассказывает:

–Начальство просит человека на месяц на стройку. У тебя, говорит, много мужчин. Я говорю – они на испытаниях. А есть же молодой у тебя – Сергей. Я сказала: Сергей – это не мужчина! Гарков: ах, да, он же у нас ученый.

Услышав это, я моментально престал работать, и мысли сразу понеслись к Рябову и Шарову. Да, это явный выпад, явное выживание; тут многое в этом «не мужчина»; хотелось сказать: «Какой я мужчина, вы знать не можете, потому что я этой возможности вам не давал, и оставьте надежду на будущее». Я ушел, трясаясь от нервного возбуждения, и трясся в библиотеке.

В субботу рассказал Инне, она согласилась – надо искать другую работу.

–Хамка. Только не ввязывайся ты с ними эту грызню, грязь, перепалку. Если что, скажи – это не делает вам чести.

Я думал о будущем с грустью; найдешь ли эту работу? Я хоть известный в своей тематике специалист, Бог его знает; здесь, можно сказать, уже почти готовая диссертация; все по-

нято. А там и системы, вполне возможно, другие; а может, и вообще ничего не получится, никто не возьмет. Я чувствовал себя песчинкой.

Началась новая неделя; Лыкова уже подходит, заговаривает о будущей работе. В понедельник я молчал, отворачивался от нее; во вторник я уже говорю с ней. Да, сделаем; я занимаюсь уже антеннами, и кое-какие результаты проглядывают.

Хочется верить, все как-то утрясется, умнется, загладится; что эти люди поймут, что не надо наглости, что нужна справедливость, хоть отчасти. Что вытяну остальное; так верит сердце, но разум говорит – раз начались конфронтация и недоверие – это необратимо. Но справедливость на моей стороне.

–Я, конечно, понимаю, что ей нужно, – сказал я Инне. – Чтобы я плясал перед ней на задних лапках. Она это любит.

–Это любят все начальники.

–Но неужели! Неужели и я, когда стану руководителем, буду таким же?

–А ты поэтому и не станешь.

–Да... Вот видишь, будущее мое покрыто туманом.

Когда-то и я пытался подладиться к Лыковой. Каждый человек стремится в меру своих качеств найти компромисс с руководством, я был паинькой. Но неприятная ее особенность – она тут же становится неприступной, ее внимания приходится добиваться. Она жаждет прилипал и тут же пинает их, Анна Гавриловна время от времени отскакивает от нее и отдалается. А не обращаешь внимания на Лыкову – косится и начинает рывкать.

Даже когда я был паинькой, она временами (и часто) специально портила мне настроение, отдаляла аспирантуру, припугивала, принижала результаты, просто зачем-то хмурилась.

Надо смотреть начальнику в рот, улыбаться, делать всю работу, причем так, чтобы казалось, будто работа как бы сама собой делается (нельзя показывать, что именно ты делаешь это). А идеи исходили как бы от руководства.

Все началось с того, что я проявил недовольство повышением, спросил (по наущению Инны): когда же теперь мне дадут старшего инженера? Этого делать нельзя! Надо благодарить (униженно) за каждое малейшее повышение; впрочем, и это плохо. Но недовольство проявлять нельзя. Я вскоре после этого сделал единоличную статью, с улыбкой дал подпи-

сать Лыковой, вот и понеслось.

Можно понять и Батурина – стар, медлителен, общественный работник; а тут, понимаешь ли, хотят его заставить работать.

Придет ли когда-нибудь время, когда все будет по-другому?

В конце лета приближался мой отпуск.

Вчера я отправился покупать билет в Краснодар. Было ясное, резкое утро с голубым небом и полупрозрачными облаками; я оказался у трансгентства до его открытия, и скоро уже купил билет, именно на тот рейс, на который хотел. Пошел домой через продовольственный магазин. Во мне бурлила, клокотала, взлетала фонтанами радость: предвкушение поездки, покупка билета – даже лучше, чем сама поездка. Это было счастливое утро, оно несколько напоминало, кстати, Краснодарские утра первой осени. Ясно и пронзительно прохладно. Фонтаны радости во мне напомнили книги, где утверждалось, что радость тоже вредна. «Так зачем тогда жить, если не радоваться!» – вслух сказал я на пустынном тротуаре и дал волю радости. Я купил в магазине печенье, морковку, свеклу и шел домой, медленно, наслаждаясь ясным счастливым утром. Может быть, пойти побродить, удлинить дорогу? Но что-то говорило мне, что путь будет радостным и счастливым, когда длительность его окажется естественной. Может быть, так и жизнь?

Когда ждали во Внуково, (самолет запоздал на два часа), ходили с Инной и Аннушкой в «лес» – кипу деревьев недалеко от аэропорта. А в самолете мы сидели на самых первых

местах, спиной к движению; и я поразился, так круто шел вверх самолет, я видел землю в несколько окон. Потом желание чтобы скорее кончился полет, подавляемое беспокойство. Мы вышли на Кубанское водохранилище, летели над ним; затем развернулись, все внизу зелено-желтое. Я видел некрасивые отмели, наблюдал Гидрострой, потом Пашковку. Сели, и мы с Аннушкой вышли первые, нас ждали мама и Вера; мама седенькая, в сером плаще, в белых чоботах. Я бегал, пытался позвонить Инне, и маме, кажется, это, или что-то еще не нравилось. Тепло, дымка. Аннушка в полете вдруг спросила: «Мы не упадем?» – уже понимает.

На второй день моего прибытия в Краснодар, пришел отец, выпили пива, он рассказывал, как ездил в Бурятию добывать золото. Потом стал звать с собой, я махнул рукой, пошли к нему, пили коньяк, а за окном лил теплый южный дождь, шумно падал на землю. Я спросил у отца, не может ли он помочь, сделать для мамы трубы, чтобы высовывались из балкона, на них мама будет вешать белье после стирки; а трубы, сказал я, нужны дюймовые. Отец отреагировал немедленно:

–Ха! – сказал он. – Дюймовые! Дюймовые! Хорошо, попробуем. Откуда ты взял эти дюймовые?

–Прочитал в справочнике.

–Ну, что ж, пусть будут дюймовые.

Я собираюсь на море, поеду на автобусе, продолжается жаркий день, от жары окно занавешено ковром; Антонов на-

певаёт где-то, и мне как-то тоскливо. Еду на море один, билет взят неожиданно. Анечка ещё покашливает, не хочется бросать её, пока не совсем долечена. Но скоро уже уезжает Вера, и я не хочу оставлять малышку вдвоем с мамой. Еду дней на пять, в Геленджик – новое место, и тревожно слегка, жаль, что не с Инной едем, её отпуск не совпал по графику с моим.

Я совсем замучился с Аннушкой, и мама тоже, душераздирающий кашель по ночам: я приходил в отчаяние. Первые три дня мы ещё ходили на Старую Кубань, загорали, бегали босиком по песку, заходили в воду; все это ей очень нравилось. Но вот все пришлось прекратить – кашель стал жутким; врач прописал пенициллин, теперь каждый день мы идем к медсестре. Когда подходим ближе к знакомому месту, Анна понимает – мы идем на укол, и начинает громко плакать, я утешаю её, говорю: «Ничего – это не больно, ты просто сама себе внушила». Вот медсестра делает ей укол, и тотчас настроение Анны резко меняется – человек полностью счастлив, всхлипывания прекращаются, улыбка на лице, она взглядывает на тебя. Теперь можно делать все, что хочешь.

Мама пошла гулять с Анной, и я впервые остался один в квартире; солнце за окном палит, кожа слегка обожжена. Я ещё покашливаю, песочек в груди, так и поеду завтра.

Пришла Вера, и принесла арбуз. Я читал старый мамин дневник, обо мне.

Утром я приехал на автовокзал, с целью сесть на автобус Краснодар – Геленджик. Сначала объявили, что будет задержка, затем через полчаса последовало разъяснение: «В связи с неприбытием автобуса пассажирам переоформлять билеты в бу-бу-бу-бу.» Последующие слова я не разобрал, хотя повторили дважды; я оббежал пару раз вокруг вокзала, увидел справочное бюро, там меня послали в пятую кассу. Пока нашел, оказался в конце возмущающейся очереди. «Билетов на Геленджик нет!» – кричала кассирша. «Безобразие! Вы обязаны обеспечить! Такое бывает только в Краснодаре!» – кричали пассажиры. Наиболее активные побежали к начальнику вокзала, тот куда-то исчез, что касается диспетчера, то он сказал, что нас будут сажать на проходящие автобусы. Итак, волей-неволей все примолкли. По несколько человек нас сажали на проходящие, наконец, нас осталось четверо, а автобусы теперь ожидались только во второй половине дня. Нас стал подбивать ехать частник, сперва просил по пятнадцать рублей, но время тянулось так долго, что он сбавил сначала до двенадцати, и наконец до десяти.

И вот поехали в Геленджик на «Жигулях». Водитель – здоровенный, говорил – агроном из Анапы, едет со свадьбы из Майкопа; и всё-таки было видно, что извозом занимает-

ся профессионально; машина – стекло треснутое, ручки все обмотаны изолентой, а мотор тянет великолепно. Домчались быстро.

Я лежу под соснами над морем. В первый вечер у моря: я был один и не там; стремился в старые, знакомые места, но не попал туда. Утешал себя: в конце концов – и это море, один из его языков, Геленджикская бухта; но утешение было слабым. Так можно сказать, что в любом месте нас овевает один и тот же воздушный океан.

Ходил по пансионату и думал: здесь недавно были мама и Вера, казалось, что нечто осталось от их присутствия, даже не в воздухе, а в эфире. А когда ходил вчера по набережной и улочкам Геленджика, за обликом этого городка вставал Адлер, мы с Инной.

Кафе «Светлячок». В глубокой тарелке лежат потрескавшиеся яйца, густо облепленные мухами; принесли котел с чем-то огнедышаще-ржавым, как магма – это борщ. Раздается грохот: мойщица уронила поднос грязных тарелок, посмеивается. Столы, естественно, грязные; рыба черная. В очереди двое толстых мужчин с тощими женами, и один тощий, с толстой женой.

Море все же прекрасно; слева и справа стремятся друг к другу мысы Толстый и Тонкий. Разлапистые сосны над головой.

Может быть, действительно, в мозгу запечатлены все вос-

поминания, но тайно, а когда-нибудь удастся воссоздавать их; во сне, например. И можно будет отправиться в любой период своей жизни; и что же предпочтут старики – жить прошлым или настоящим?

Сначала я ел почти одни консервы, на второй или третий день купил красного кубанского «Каберне», для улучшения пищеварения. В тот вечер я выпил стакан и доел тушонку, после чего заболел желудок, и я чуть не выбросил бутылку в овраг. И вот сегодня одиночество снова подступило ко мне, я достал оставшееся, потягиваю из хозяйкиной чашки, и ем шпроты. Ветер гуляет второй вечер, в кино, конечно не пойду. Люди пьют, чтобы уйти от одиночества – даже в компании; лишь бы сбежать от прошлого. И я сейчас пью, впрочем, что там, пустячок. Сухенькое. Я одинокий волк. У-у-у! Шумит ветер, и я смотрю в маленькое окошко хибарки; там деревья и белая времянка. Мозг слегка затуманен парами, и прошлое стало не таким противостоящим, укоряющим, недостижимым, как-то придвинулось, показалось более уютным, близким, переносимым. Кашель не проходит, на улице дикий ветер; в августе уже чувствуется осень. Вино почти кончилось, и я вспомнил об отце: мы с ним несчастные какие-то, одинокие волки, неприкаянные.

Вечером после этого я пошел к морю. Вино и вечерняя бухта примирили мою душу и с прошлым и с будущим; мысы горели огоньками, вода колыхалась, и прямо над горлом бухты стояла половинная луна. Я стал думать о будущем. Можно душу дьяволу продать, чтобы приехать в такое место с семьей, в середине лета; играла музыка, пели – шел концерт. Отдыхающие беззаботно веселились, потом расходились семьями по корпусам, оживленно переговаривались. Ночь, море, огоньки.

У нас еще все впереди; мы обязательно приедем в такое место. Хоть раз в жизни.

Часов в девять вечера уже стемнело. Внезапно я почувствовал боль в желудке, слабость и озноб. Не хотелось идти в свою берлогу. Шахматные плитки тротуара, неоновые огни, деревья, я пошел по тропинке от хинкальной к домикам общежития. Невероятная метафизическая тоска одиночества лежала на душе; кажется, что ничего не получится из этой жизни.

Как будто и статьи есть и еще там что-то, а где результат? Три с половиной года я работаю, и так до сих пор – инженер; мы вынуждены отдыхать врозь, и мой отпуск совершенно бездарно пропадает. Я казался маленьким, никому не нуж-

ным в этом мире человечком, перед лицом каких-то равнодушных сил; как будто какие-то великаны громоздятся где-то и равнодушно переговариваются: «А, этот? Нет, ни на что не способен, слаб. Пусть уж кое-как довлечит свое жалкое существование».

Когда я сидел на скамейке и обнимал руками живот, в котором ощущалась боль, сначала женщина, немного похожая на нашу Валью, стояла у перил; потом она ушла с лысым и пожилым мужчиной. А затем подсел ко мне здоровый дядька, за сорок лет, немного поговорили. Отдыхает здесь по путевке, я позавидовал. «Работать надо.» Работает в Ростове на заводе, ездил в этом году дважды по путевке – один раз в Ленинград, теперь сюда; я стал говорить о том, что, когда сам живешь – проблема питания. Он, не дослушав, встал и ушел, наверное, искал компанию.

Народ здесь хлещет пиво, вино, водку, ест Бог знает что, и хорошо ему. А мой желудок уже не таков, и тут я вынужден вспоминать наш сектор. Я думаю – есть ли у здешнего отдыхающего народа воспоминания, тоска по прошлому? Или они умеют так здорово забывать? Надо уметь жить настоящим; я это плохо умею.

Иногда мне казалось – не могу больше! Какое-то давление на душу, не разрешимое слезами, как предгрозовая тяжесть; теснятся воспоминания о других поездках. Мама и Вера, удалившись на двести километров, кажутся средоточием невысказываемого света. Проклятая меланхолия. И опять я стал

уговаривать себя – не надо распространять это состояние на будущее, экстраполировать на все; просто неудавшаяся, глупая поездка, одиночество, нездоровье.

Вчера говорил себе: надо перестать заниматься самокопательством, толку от этого никакого. Надо смотреть на людей, попытаться возродить свою фантазию. Отец сказал: у тебя в детстве была великолепная фантазия. Бросил? Да – сказал я. Почему? Умнее стал? Да, скажем так. Или глупее? Можно и так повернуть; можно и так, и эдак.

Захотелось скорее к Аннушке, купил ей ракушку – рапана, Анна будет тихо играть, задумавшись.

У хозяйки Светы неплохой мальчишка – пятиклассник; все эти дни кашлял, поэтому не купался.

–Скоро в школу?

–Да.

–Хочется?

–Не-а.

–Ну, что тут у вас самое примечательное в Геленджике?

–Купаться.

–Кем хочешь быть?

–Шофером как дед. На «Татре».

Муж Светы «на витаминах» в больнице. Была язва, зарубцевалась.

–Надо меньше пить, – говорит Света.

Еще есть девочка Таня.

–Сколько тебе лет?

–Пять.

–Скоро в школу?

–Ага.

–Хочется?

–Не-а.

Я дошел до центра; центральный пляж обширен, покрыт мелко толченной ракушкой, почти песок. Вода мутная. Я там

отметился, искупался. Для чего-то мне надо было обязательно увидеть море; и вот я здесь, и не знаю, как убить время и куда деваться от тоски. Из центра на свою окраину поехал на катере; получасовая поездка на мыс Тонкий, а затем к Лазуревому берегу. Красиво, горы зеленые, на горах большие буквы: «Ленин с нами».

Вечером я решил скоротать время, посмотрев фильм «Ожидание полковника Шалыгина» в летнем кинотеатре гостиницы «Солнечная». Пока стоял в очереди за билетом, стал дуть какой-то прохладный ветер, и я сходил на квартиру и одел на себя все что мог. В 21 час начался сеанс, ветер усилился, стал холодным. Туристы из гостиницы, посмеиваясь, приходили с одеялами, мелькнула мысль: может, уйти? Но я постеснялся обнаружить свою теплолюбивость, и вот сеанс проходил под свист северного ветра, дувшего прямо в лицо. Впереди, над головами, над горами, в синем небе ясно отпечатались Большая и Малая Медведицы с Полярной звездой, счастливые обладатели одеял кутались в эти одеяла. Я все стыдился уйти, хотел хоть не первым ретироваться; через час, всё же, меня начала бить крупная дрожь. Тут два человека не выдержали и ушли; ушел и я, прибежал на квартиру, дрожащий, и залез под одеяла.

Утром – ясное, ослепительно голубое небо, и дует неистовый ветер.

В конце августа, разбитый, я приехал в Краснодар. В дороге сначала боялся, что будет плохо, но потом как-то расстроило меня, и даже появилась какая-то особенная ясность восприятия, и дорога понравилась мне больше. Красива моя родина! Плавные переходы высот, белые домишки, зелень, любимые тополя... И подумалось: ты ждал, что здесь будут каникулы, но это уже новая эпоха; и появятся у нас хорошие годы. Все впереди; вернее, многое. Когда въехали в Краснодар, освещенный золотым вечерним солнцем, я радовался. Впереди еще две недели! Моя поездка на море – глупость, но она уже позади. Дома собрались мама, Вера, отец. Уже были сделаны и установлены трубы для сушки белья.

Отец сказал:

–Вот тебе дюймовые трубы!

Он, подвыпивший, посмеивался над рассказом о моих злоключениях.

–На одного готовить не хочется, – сказал я.

–Так ты бы нашел кого-нибудь, чтобы на двоих готовить! – смеялся он.

Я навестил моего друга Игоря. Стройка: пыль, грязь, шум; еле нашел его.

—Ну, как, работать тяжело?

—Нет. Специфические только отношения. Иосиф, бригадир, грубый мужик. Мат постоянный. Приходится и самому надевать маску из мата.

Игорь пошел мыть руки, и какой-то мужичок крикнул ему:

—А ты что ходишь, вон начальство!

Игорь:

—Да нет, это он так. Хороший, добрый мужик. Шутит.

Мы были наверху здания, и потому решили осмотреть Краснодар сверху. Потом взяли бутылку рома, оказавшегося, как и предупреждала продавщица, не белым. Гуляли с дочкой Игоря в коляске. Разговор о течении жизни, непонятности смены поколений, упущенном времени и так далее. Тихий Краснодарский вечер, улочки с краснокирпичными домами, те самые, где когда-то мальчишками еще курили заграничные сигареты. Разговор о новой несвободе из-за детей, о примиренности с этим новым положением. Вечером шли к троллейбусу по улочке, усаженной тополями.

Анечка теперь стала кашлять редко-редко. Мы с ней по-прежнему ходили на Старую Кубань. Но как-то раз решили сходить на бегучую Кубань, и нам открылись красота и благодать.

Изгибы реки, обнажившаяся песчаная коса. Обрывистый противоположный берег с зарослями. А на этом берегу – южный лес, ивы, старые деревья, обросшие выюнком, пересеченная местность с выющейся проселочной дорогой. В лесу течет ручей с крутыми берегами, мы перебирались через него. Светит солнце; рыболовы сторожат рыбу. Ходят по берегу большие вороны, летают маленькие белые чайки. Часто у самого берега, на мелководье, плеснет крупная рыба. На том берегу стадо коров. Я восхищался, наслаждался, нежил-ся этими картинами. А когда идешь назад, то видишь низину, далеко на ровном зеленом пространстве – группа деревьев – полеводческое отделение; а еще дальше – дальний ряд тополей, места, где прошло все детство. И самолеты над головой снижаются по направлению в аэропорт; идут на посадку, и потому не режут как бешеные, а уже прилетают. Так и мы с Анной пролетали здесь и видели Гидрострой.

Среди полей видны постепенно приближающиеся белые дома. А если у начала леса свернуть на дорогу в низину, то

там внизу два небольших домика, и идет проселочная дорога, обсаженная деревьями, какая-то уютная и немного таинственная. Куда она? Несколько раз мы ходили на Кубань; пошли вдоль берега влево и видели плотину. Проплывали баржи, один раз экскурсионный теплоход; экскурсовод по мегафону говорил об Икаре, каким-то образом он привязал его к этим вот кубанским берегам.

Потом как-то пришел отец, укорял, что я не захожу. Был подвыпивший, пошли к нему и выпили еще бутылку водки; я сделал это, чтобы увести его домой. Темы разговоров все его старые: необходимость продолжения фамилии, нужен сын (а его – внук), и что я должен «стать профессором».

–Папа, ну почему ты пьешь? Бросал бы.

–Да если бы я не пил, так давно уже в могиле лежал. Ты думаешь, работать на бульдозере, летом, в жару – приятно? Смотри, какую плотину сделали! А может, так оно и нужно. Мать моя, когда закружится по дому, с другими детьми, а я лежу маленький, и начинаю кричать, так она дает мне ложку вина, вот и доволен я!

По вечерам мы теперь гуляем с Анной до темноты; огоньки загораются. Там, за низиной, у дальнего ряда тополей, горит красный огонек. Самолеты, мигая, пролетают; становится свежо. Аннушка в шерстяной кофточке, да и я. Дети играют у освещенных подъездов, Аннушка говорит:

–Соскучилась за мамой.

Или:

- А где наш оранжевый дом? – и озирается по сторонам.
- Он далеко, в Москве.
- А когда мы полетим?
- Через недельку.

Кажется, во вторник я поехал в Пашковку. Мама была где-то по хозяйственным делам, Вера приехала из города, и около пяти вечера я внезапно поехал. Погода была – все надвигались облака, то и дело собирался накрапывать дождь. Я доехал на автобусе до ТЭЦ, сел в трамвай и почувствовал, что волнуясь, мне казалось, что я оделся как-то немного кричаще – майка, джинсы, а тут рабоче-крестьянский люд едет на окраину. Дома по краям обшарпанные, деревья запыленные; мне стало как-то душно, нехорошо. Я чувствовал волнение и боялся волнения. Доехал до тупика, в магазинах книжном и товарном ничего не было; и я вспомнил, как здесь два года назад были с Инной. Я высматривал дорогу, которая ведет к библиотеке аэропорта; поехал назад и смотрел на улицу Ярославская, где когда-то был мой детский сад. И понимал, что забыл, как идти к Чельшевым. И душно, как-то давит; я думал – неужели это от волнения, от встречи с прошлым, или просто погода, или что-то съел? Я полдничал творогом с компотом, и вот подумал – может, это сочетание не очень? Приехал на Площадь, и по ней ходил с немного помраченным сознанием и с ожиданием чего-то похожего на сердечный приступ. Неужели я так слаб? Я увидел: ателье; там после шестого класса сшили мне брюки клеш. Аптеку:

дверь на углу дома, сюда мальчишкой бегал за лекарством для мамы. Кинотеатр «Дружба», сюда ходили смотреть кино отец с мамой, оставляя меня дома с Верой. А потом и мы с мальчишками сколько раз были здесь. Детская библиотека, несколько ступенек за дверью ведут в мир удивительного, в мир книг. Потом шел через парк. Статуя казака на лошади, библиотека для взрослых.

Тяжесть во мне не уходила, нарастала, мелькнула мысль – в аптеке надо было взять валидол. Вот дойду до своего дома, и там умру; символическая смерть.

И вот по той улочке я прошел, видел школу, которая теперь умерла, стала школой для умственно отсталых. Поворот у мелиоративного училища, большие деревья.

А справа начинается стадион – вернее поле, стадионом его и не назовешь, нет трибун, большая площадка с выгоревшей вытоптанной травой, по краям окаймленной дорожками – такими же грунтовыми. Я вспомнил, как мы однажды с отцом возвращались домой, шли с какого-то сеанса, мне было лет пять-шесть, а отцу не было и тридцати, и он был большой и очень красивый. И мне почему-то захотелось показать ему свою значительность, я сказал, что маленький человек – вот как я, бегают быстрее взрослого, и может запросто обогнать его. Отец возразил: «Это не так. Вот давай побежим по дорожке.» Мы пересекли дорогу, встали рядом, затем отец командовал: «Пошли!». И мы побежали; отец легко оторвался от меня. Затем он остановился и засмеялся: «Вот как!». А я

стоял и молчал.

Вот и дом, мой старый дом, я надел темные очки пошел налево вдоль забора. Дом-то ведь тот же! Когда-то мы с мальчишками, да и вся округа называли его – «белый дом». Огромные тополя, старые, а ведь их сажали на моих глазах, высажены по периметру двора, и старый сад выкорчеван, пустое пространство виднеется в глубине. А во дворе я краем глаза увидел семейство Ташу; дядя Миша, адыгеец, водитель машины ЗИС, пьяненький, размахивал руками, толстая тетя Шура ругала его. Дядя Миша тогда, давно, останавливал меня и обнимал за плечи, и мы улыбались. А вот прошла по двору тетя Нина, когда-то сварившая постный борщ, и накормившая меня, оставшегося совершенно один – мама и Вера уехали в дом отдыха, а я ждал известия, что пора ехать поступать в интернат. А вот идет Марфа Петровна, к ней как-то приехали на лето в гости две девочки из Луганска, одна из них была прекрасной. Марфа Петровна о чём-то заговорила с Ниной, они смеялись. Бог мой! И люди эти еще живы и даже мало изменились; а ведь последний раз я был в этом доме, наверное, лет десять назад.

Я сел на скамейку, которая была у входа в клуб.

Здесь дом сравнительно далеко, меня не узнают со двора, и видно хорошо.

И тут другие воспоминания приходят ко мне. Как мы с мальчишками (мне лет пять) сделали подарок – коробка из-под обуви, перевязанная веревкой. И вот, в темное время,

мы вынесли эту коробку на шоссе, проходящее мимо. Сами спрятались здесь, за этими скамейками. Машины в это время проходили очень редко; вот и одна из них, грузовик. Водитель заметил коробку, остановился, подошел к ней и стал развязывать узел. И только он развязал, как на него из темноты полетели камни. Он, изрыгая проклятия, бросился к входу в клуб, но мы обежали здание и скрылись в темном саду.

А вот другая история. Я играл в винограднике, примыкавшем к нашему дому. Через дорогу шел ряд одноэтажных домов. В одном из них затеяли празднование, выставили столы во двор, расселись, выпивали. Очень сильно кричали, хохотали. Я почему-то прилег возле виноградника, долго смотрел, а потом стал бросать туда камни. Как только раздался звон разбитой посуды, вышли два здоровенных мужика, осмотрелись, заметили меня, и побежали. Я бросился убежать через виноградник – нагибаясь над проволоками, привязанными к столбам; я нагибался, и вот уже надо снова и снова нагибаться. Я слышал, как ругаются мужики, и так же нагибаются снова и снова, и бегут; сердце моё колотилось. Но вдруг они отстали, я бежал уже один, и выбежал к дальней оконечности клуба. Там я встал и долго стоял, весь мокрый, дыхание ужасное. А потом я тихонько пошёл домой. Мне казалось, что гнавшие за мной, если они разглядели меня, сейчас же пойдут к нам и расскажут обо всем. Но мама и папа ни о чем подобном не говорили, жизнь продолжалась

и дальше, подошел вечер текущего дня, а затем настала ночь.

Я осматриваю клуб. На стене клуба – металлическая пристройка, она как будто лестница, поднимающаяся к двери комнаты киномеханика, когда начинался киносеанс, в этой будке киномеханик ставил музыку: «А дорога серою лентою вьется», «Море встает за волной волна». Музыка звучала громко, созывались все желающие посмотреть фильм, два наших окна выходили прямо на эту металлическую лестницу. Клуб длинный, выкрашен белой краской; на другом его конце – вход. Там когда-то в стародавние времена была столовая, мы с отцом иногда ходили туда обедать, и приходили люди в спецовках. Потом эту столовую закрыли, на ее месте сделали библиотеку. Была выстроена новая столовая, за садом; я после второго класса часто отправлялся туда обедать, ходил один, мама и отец были на работе. Там кормили вкусно, котлета, а иногда – шницель, который был подороже, но и повкуснее. Потом я возвращался домой, прячась от жаркого солнца под деревьями сада. Это было летом, у меня были книжки – «Робинзон Крузо» и «История СССР»; я запомнил, как казнили Степана Разина.

На месте сада – пустота, сад выкорчеван, и я горячо упрашивал кого-то: посадите сад заново, и я вам прощу!

Во двор наш зайти я боялся, мне было дурно; зайду в другой раз, сказал я себе, когда буду в форме. А сейчас еле на

ногах стою. Но к Валере надо бы зайти; но и этого я боялся.

Пошел к опытной станции, украдкой заглянув в наш дворик; ведь все то же!

Зайти к Валере я все же рискнул, пересилил свою слабость. Долго никто не выходил, лаяла собака, мелькнул в окнах кто-то, стало неудобно. Потом вышла женщина, немного похожая на армянку, оказалось – жена Алеши, младшего брата Валеры. Валера, сказала она, живет в Кабардинке. Показался отец Валеры, посмотрел в мою сторону, что-то похожее на смущенную и немного виноватую улыбку промелькнуло на его лице. Седой, полуголый, с брюхом; пошел во двор. И я так же посмотрел на него.

Вот так, не увидел я Валеру, а был оказывается рядом с ним, в Геленджике. И от этого тоска моя усилилась; я хотел, пожалуй, больше чем Игоря, повидать Валеру. Но после разговора, когда надо было говорить четко, вежливо, с улыбкой, мне полегчало физически.

Я пошел по направлению к перекрестку и спустился к Ерику. Двое сидели с бутылкой. Сильное ностальгическое чувство охватило меня: Ерик постарел, зарос ряской. И я понимал – да, кануло все в лету, никогда уже не будет. Отзвенели наши детские голоса, и другие дети уже никогда не искупаются в Ерике. Я видел всю эту низину со старой точки зрения; вдали – отделение, дальний лес, в который теперь мы ходили гулять с Анной, и – Гидрострой.

Вот так, Валера потерян. Если бы увидеть, что новые мальчишки купаются в Ерике, но нет, это невозможно. И опять я думал о поседевшей маме.

Потом пошел пешком на Гидрострой, мимо ДСУ, где когда-то купались с отцом под открытым душем, мимо бани, в которой мылись всю ту жизнь. И Гидрострой ведь мне уже родной; я посмотрел на библиотеку, стало жаль, что в этот приезд я не был там. Потом ткнулся к отцу, заперто. Пошел мимо играющих в домино на их скамейке, и меня окликнул его знакомый и сосед, плотный, седой, курчавый.

Оказалось, что отец пьет пятые сутки, не вышел на работу, небритый, опустившийся, в ответ на замечание сказал: «Все, я пропал, не могу бросить».

Сосед говорил горячо:

—Его надо на лечение, и не на три месяца, а на два года, пропадает человек. Вы узнайте, как это делается, в милиции. Я не от зла говорю, или от чего, а чтобы спасти его.

Тоска моя усилилась до невозможных размеров.

—Что-то надо делать, — сказал я. — Но что? Может посоветоваться с Марией Яковлевной (вторая жена отца, с которой он тоже развелся).

—Да, она в общежитии убирается с 8 до 10 утра. Посоветуйтесь.

—Да, что-то делать надо.

Мария Яковлевна говорила: не могу я с ним мучиться, знаю, есть у него гараж, у меня — деньги на машину, жили бы хорошо. Но если бы он не пил, или пил как люди!

И еще сосед сказал:

—Ты бы хоть дочку прописал, а то помрешь, и квартира пропадет.

А он обижается.

Я пошел домой, в тревоге. По дороге еще увидел мужчину, как будто знакомого, пьяный, шатается. Прошел мимо и вспомнил — вместе работали десять лет назад, в аэропорту, его звали Саша. И стало еще тоскливее: люди гробят себя.

Что делать? Пришел домой и рассказал обо всем маме, та отнеслась довольно спокойно. И я как-то стал успокаиваться. Выкарабкается, подумалось. Уже лет пятнадцать он вот так, и всё же на грани держится. Лечение? Милиция? Как-то нереально, да и дико.

Потом однажды с Верой зашли вечером к отцу, он уже выходил из запоя, сидел пока еще деревянный, дубовый. Мама говорила, что видела, как он ходил, видимо к Марии Яковлевне. Он сидел с маленьким красными глазками, в глазках слезы.

—Я слышал, как ты стучал. Понимаешь, забурился тут. Виноват я, конечно. Виноват.

Мы сказали:

—Отдыхай.

Мы ушли. Было грустновато, и маленькая временная радость: пока что трезв. И надежда, впрочем, очевидно, обреченная — а вдруг совсем бросит?

Как-то вечером был у Игоря с Ирой, пили домашнее крепленое вино. Закуски почти никакой; я, видимо, хотел напиться; ударило в голову. Много говорил, даже, пожалуй, лишнего, вдруг захотелось высказать... почти все. Я рассказал о тоске в Пашковке; сказал, желая польстить Игорю (давайте говорить друг другу комплименты): «Игорь работает простым монтажником, но он интереснее меня». И так далее. Потом где-то на улице мы еще допивали домашний же спирт. Поездка на такси, глупый пьяный разговор с водителем, хвастовство, дал ему десять рублей. На следующий день муки похмелья и стыда, ностальгию из меня всю вышибло напрочь, жаль было, что испорчены последние дни.

В пятницу мы с Анечкой и Верой в последний раз были на пляже, на Старой Кубани, почти до захода солнца. Длинные тени; золотой свет; овчарка купалась: Киса.

В субботу утром зашел к отцу; дверь была открыта – она всегда приоткрыта. Пусто; я посидел в его беленькой, прибранной нынче, комнате, и написал записку.

Вечером мы с Верой пришли, и радовались – отец был совершенно трезв.

–А я сегодня все постирал, – рассказывал он, – а потом лег поспать, но толком не удалось. Какая-то одна худая муха

залетела в комнату, и летала, и я все никак не мог поймать. Худая муха. Жирную муху легко поймать, а худую никак не поймаешь. А поймаешь, сожмешь кулак, чтобы раздавить ее, ан нет. Открыл – а она снова вылетела и жужжит, проклятая.

Мы смотрели фильм «Первая любовь».

–Он тут ее плеткой хлестнуть должен, – говорил отец.

И когда момент настал, сказал:

–Ну, вот, я же помню! А вы вот мне говорите!

Темно уже, стали прощаться, он насыпал мне орехов.

–Ну, ты уж постарайся тут. Налаживай жизнь. Бросай это дело, – сказал я.

–Да я и сам понимаю, – говорил он, посмеиваясь. – Пора браться за ум! Да, брошу я, честное слово.

Был он веселый, нормальный человек.

В воскресенье – аэропорт, задержка вылета на два с лишним часа. Вера замерзла, ушла. Облачно, дождик. С Анной пошли на Южный перрон, я показал ей, где работал папа десять лет назад, там уже не «кукурузники», а другие самолеты. Купили яблок на базарчике.

И вот – снова полет, голубое Азовское море слева.

При подлете к Внуково – крутые маневры, самолет затрясся и взвыл, сильно кренясь, посреди ясного неба. «Не хочу умирать!».

Мамочка, поседевшая моя, снова осталась в Краснодаре.

Пространство и время для меня как-то сжались, мне теперь кажется, что родина не так уж и далеко от меня, во всяком случае, в сознании она где-то рядом. Всего два часа на самолете. И смертность, конечность моя ясна.

– Не обижайся на меня, – говорил отец. – Такой я человек.

В этом звучит понимание – себя не преодолеешь. Но где же мечта нашей молодости, юности, детства? Почему тогда не казалось так? Что утрачено?

Отец, когда летел из Бурятии, сидел сутки во Внуково, и не позвонил; был он обросший, опухший после пьянки, и сказал.

– Я еще тогда, три года назад понял, что ты меня стесня-

ешься. Так ведь?

—Конечно, когда ты такой.

А он ведь спрашивал; вдруг все-таки не так? И я вспомнил: он дал мне на свадьбу тысячу рублей, на эти деньги я купил хороший финский костюм, кольца, и еще оставалось на проведение банкета. Когда я улетал из Краснодара, ранним утром, он подвез меня на машине в аэропорт. Мы посидели, он покурил и сказал:

—Ну ладно. Давай там, чтобы все было хорошо, — и после паузы. — На свадьбу, конечно, не поеду.

Я промолчал.

Было еще и чувство неудовлетворенности от практически несостоявшегося общения с Игорем. Когда вдвоем мы были на Кубани, он так и ерзал, все хотел ехать домой, к жене и дочке. Все понятно; но с другой стороны иногда хочется дружеского общения без жен, детей, семейств etc., проникнуть вдвоем в только нам принадлежащее прошлое. Он, всё же, не проявил такой способности и желания, от этого было тоскливо. И я вспоминал, что, в сущности, будучи вдалеке от Игоря, несколько идеализировал его мысленно, как будто он был моим лучшим, настоящим другом, а когда встречались, то всегда наступало некоторое разочарование. Но я старался преодолеть это разочарование и говорил себе и ему, что мы именно настоящие друзья; а вот в этот раз чувство, что мы отделены, было очень сильным. Потом я думал: может быть позже, когда он привыкнет к семье, мы как-нибудь

сможем сделать возвращение только в наше прошлое, в детство, юность. Проехать по Краснодару, выпить пива в баре у рынка. Но нет, кажется, все это идиллия.

Почти все мои человеческие связи здесь разрушились или так изменились, что стало уже совсем не то.

Пространство и время для меня сжались, мне теперь кажется, что родина не так уж и далеко. Во всяком случае, в сознании она где-то рядом; всего два часа на самолете.

И почему я так радовался, когда собирался в Краснодарский отпуск?

Итак, наше посещение свадьбы Марины и Петра продолжается.

Георгий Петрович подводит к нам Льва Ефимовича:

–Ты ведь в курсе, Лев Ефимович, Сергей осенью будет защищать диссертацию. И ты знаешь, кто руководитель диссертации Сергея?

–Нет, конечно.

–Генерал Сокарев, доктор технических наук.

–О-о-о! Сергей, ты молодец! Я сразу говорю: защита будет успешной!

–Не надо ничего говорить заранее, – делаю поправку я. – Вы знаете, Лев Ефимович, сегодня я присутствую на свадьбе ваших детей, а завтра уже улетаю на другую свадьбу – моей сестры Веры.

–О, какая, радость! Ну, что ж, передай наши поздравления.

Назавтра Инна поехала за Анной к Елене Васильевне, где Анна переждала посещение свадьбы, а я собирал сумку в дорогу и нервничал; после обеда стало тревожно, когда я лежал, но терпимо.

Беспокоило меня письмо от Игоря, полученное месяц на-

зад, Игорь писал: «Сергей, я случайно встретил одну девушку. Лена Чельшева, помнишь? Она была так рада, когда узнала, что ты где-то есть. Она не замужем. Звала нас всех гости, с семьями. Я понимал, что это о тебе. Помнишь, мы как-то заходили к ним с Валерой? И забрали рукопись твоего рассказа? А Вера Владимировна, ее мать, выскочила вслед за нами, и требовала отдать рукопись. Но мы проявили твердость и ушли.»

Я стал вспоминать и пришел к выводу — мы с ней не виделись тринадцать лет. Бог мой! Я думал, что она вышла замуж, и никогда не задавался мыслью — что-то узнать.

Хотя недавно я видел сон, от которого проснулся в 5 утра, в чрезвычайно грустном состоянии, хоть плачь. Приснился наш старый дом, как будто я оказался там, и встретил Веру Владимировну, мать Лены Чельшевой. Я не осознал этого во сне, но значит, она потеряла свой дом, перешла в наш, многоквартирный. Она была седа, стара. И сказала, что Лена умерла. Она была спокойна, даже несколько суетлива, улыбочива; у меня было ощущение, что она не понимает своего горя, немного тронулась, что ли. И муж ее умер. Но тяжелее всего мне было, конечно, от известия о смерти Лены. Это в могилу ушла моя юность, вся та жизнь, первое мое чувство. Страшно горько и грустно было; несчастная (хотя сначала как будто счастливая) юношеская любовь, оставившая впечатление непонятности, первого крушения.

Давно это было; так давно, что даже странно: я ли это был?

Или кто-то другой?

Окончательно проснувшись, я был все еще под впечатлением сна.

И все-таки Игорь, спасибо тебе, теперь я знаю, что они живы.

Я успокоился, собирался деловито, погода – беспросветный дождь. Что будет утром? Я два года не был в Краснодаре и почему-то тревожился этого теперь. Итак, летел я на свадьбу Веры; в качестве подарка упаковывал палас.

По телевизору показывали фильм – «Тихий Дон».

Утром также моросил дождь. Встал я раньше шести, поел овсянки, положил мясо в черную сумку – это уже Инна проснулась и посоветовала. И вот поцеловались, и я вышел с двумя сумками и с паласом под морозящий дождь; в водолазке, пиджаке, зеленой куртке и вельветовой кепке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.